

Владимир Павлюшин

*Одинокое дерево
в Сердце Вселенной*

Ульяновск
2011

ББК 00.00
У 00

Сайт <http://znakisveta.ru>
Электронный адрес
Владимира Алексеевича Павлюшина
pvl24@yandex.ru

Павлюшин Владимир

У 00 Одинокое дерево в Сердце Вселенной. — Ульяновск. 2011.

Это четвертый сборник стихов известного поэта и автора философских текстов в прозе Владимира Павлюшина. Первый сборник стихов, «Серебряная Нить», был издан в 2005 году в Горно-Алтайске, второй — «Кедровый посох» — в 2009 г. в Калининграде, и третий — «Звездные крылья удачи» — в 2010 г. в Москве. Владимир Павлюшин (пишущий под псевдонимом Константин Устинов) является автором-проводником серии книг под названием «Зов Белой Горы», которые представляют собой записи духовных бесед ученика с Учителем, данных в традиции сердечного постижения Живой Этики.

ISBN 000-0-00000-000-0

Редактор: Е. Конева
Верстка, дизайн обложки: В. Трифонов

Содержание

<i>Я лишь только исчезнувший гость .....</i>	<i>9</i>
<i>Я душистый туман на великих горах .....</i>	<i>10</i>
<i>Ветер поёт. По вереску снег шуришит .....</i>	<i>10</i>
<i>Мы все распяты, все распяты .....</i>	<i>11</i>
<i>Воскресли! Но надолго ли воскресли? .....</i>	<i>12</i>
<i>Из этой тьмы куда уходим мы .....</i>	<i>13</i>
<i>Пасхальное кладбище .....</i>	<i>13</i>
<i>Сильней усталости накал .....</i>	<i>14</i>
<i>Как образумиться легко .....</i>	<i>15</i>
<i>Синева растворяет людские слова .....</i>	<i>16</i>
<i>Терпению учат горы .....</i>	<i>16</i>
<i>Как мотылёк, что книгою раздавлен .....</i>	<i>17</i>
<i>Ах, мгновенье! Куда ты кануло? .....</i>	<i>17</i>
<i>Смерть возвратит утраченные силы .....</i>	<i>18</i>
<i>Не помня прошлые заслуги .....</i>	<i>20</i>
<i>Туман рассеется к полудню .....</i>	<i>20</i>
<i>Прости за жизнь, истраченную в пух .....</i>	<i>22</i>
<i>Из света золотого этот плен .....</i>	<i>23</i>
<i>Сметает листопад ненужные слова .....</i>	<i>24</i>
<i>Мелодию опавших листьев .....</i>	<i>25</i>
<i>Тихим золотом осень светится .....</i>	<i>25</i>
<i>Как лист увядший ты теперь .....</i>	<i>25</i>
<i>Неотвратима мудрости фурба .....</i>	<i>27</i>
<i>В горах — бескрайняя зима .....</i>	<i>28</i>
<i>Я знаю дорогу, и знает дорога меня .....</i>	<i>28</i>
<i>Уставшее солнце смиряет лучи .....</i>	<i>29</i>
<i>Один я. И мысли как сломанный лук .....</i>	<i>30</i>
<i>Как трудно смириться .....</i>	<i>30</i>
<i>Пославший! Отзовись! .....</i>	<i>33</i>
<i>Метели плетут кривую дорогу ночную .....</i>	<i>34</i>
<i>Не знает ветер слов заснеженной скалы .....</i>	<i>35</i>
<i>В углах застенчивых .....</i>	<i>35</i>
<i>Ты скажи, о чём восходящее солнце поёт .....</i>	<i>36</i>

<i>Серебряной мыслью зажги небосвод.....</i>	<i>37</i>
<i>Сгорела звезда, но свет её ярок и чист .....</i>	<i>38</i>
<i>Торговая площадь в морозном тумане .....</i>	<i>39</i>
<i>Сердце, сердце! Не истекай болью .....</i>	<i>40</i>
<i>Благоухание травы течёт .....</i>	<i>41</i>
<i>Ох вы, ветры! Печаль развеите .....</i>	<i>41</i>
<i>Давно уж вырыл водопад .....</i>	<i>42</i>
<i>Солнцепоклонник и бродяга .....</i>	<i>42</i>
<i>Как горячи мои печали! .....</i>	<i>44</i>
<i>На подоконнике в цветах .....</i>	<i>45</i>
<i>Дыханье тонкой синевы .....</i>	<i>45</i>
<i>Всё позабытое опять ко мне стучится .....</i>	<i>46</i>
<i>Гляжу в грядущее, и в зеркалах хрустальных .....</i>	<i>47</i>
<i>Переменись, моя судьба! .....</i>	<i>47</i>
<i>Порой, впадая в озаренье .....</i>	<i>48</i>
<i>Тяжек путь неизжитых чувств .....</i>	<i>48</i>
<i>Не суетись на здешнем берегу .....</i>	<i>49</i>
<i>Я скиталец в этом мире .....</i>	<i>49</i>
<i>Путь праведных душ .....</i>	<i>50</i>
<i>Жизнь от мгновений до эонов .....</i>	<i>50</i>
<i>Белый конь, что отпущен хозяином в поле .....</i>	<i>51</i>
<i>Как дух свой обрести в высоком .....</i>	<i>52</i>
<i>Мгновенно ускользнёт довольство .....</i>	<i>53</i>
<i>Не допуская пустоты .....</i>	<i>54</i>
<i>Мир зажигая огнём вдохновенья .....</i>	<i>54</i>
<i>Горы снегом укрыты .....</i>	<i>55</i>
<i>В шорохе снега и в пени звёзд .....</i>	<i>55</i>
<i>Засохли колосья .....</i>	<i>55</i>
<i>Налетели ветра в золотую долину .....</i>	<i>56</i>
<i>Не притворяйся, ветер, не твори .....</i>	<i>57</i>
<i>Язык Серафимов похож на Божественный Глас .....</i>	<i>57</i>
<i>Ветер бел от летящего снега .....</i>	<i>58</i>
<i>Поставлен крест на увлеченьях .....</i>	<i>59</i>
<i>Стучится зима в окно .....</i>	<i>59</i>
<i>Страх, догоняющий нас .....</i>	<i>59</i>
<i>О ноша неизведанной судьбы! .....</i>	<i>60</i>
<i>Будто бы вниз начинается бездна .....</i>	<i>61</i>
<i>Мятежный поиск, ищущий протест .....</i>	<i>62</i>

<i>Экспрессия свободных строк</i>	63
<i>Учись терпению</i>	64
<i>Мысль — океан! И он неисследим</i>	64
<i>Зачем из тела вырвана душа?</i>	64
<i>Как много вырванных страниц</i>	65
<i>Исполнив совести завет</i>	66
<i>Светим мы отражённым светом</i>	67
<i>Нет у меня другого ремесла</i>	68
<i>В снегу укрылся старый сад</i>	69
<i>Стена молчания пусть окружает нас</i>	69
<i>Как глубоко мы погрузились</i>	70
<i>Ломаем копыя; и зазубрин след</i>	71
<i>Этот колокол снов</i>	72
<i>Истекло время мира</i>	73
<i>Ах, роса наших слов</i>	73
<i>Ах, где эти листья</i>	74
<i>Где собираются молитвы</i>	75
<i>Мысль тонет в потоке летящем сознанья</i>	76
<i>Истекают года за мгновеньем мгновенье</i>	76
<i>Не изменяй пристрастиям души</i>	76
<i>Звонят февральские снега</i>	78
<i>День ото дня тревожит нас</i>	80
<i>Как нелегко определить</i>	80
<i>Песня синицы уже пропета</i>	82
<i>Ветры уходят стремительно, смело</i>	83
<i>Остерегись неосторожных слов</i>	83
<i>Мороз выводит времени узор</i>	84
<i>Я отягчён вселенскою бедой</i>	85
<i>Когда молчит уставшая молва</i>	86
<i>Морозный свет поднявшегося солнца</i>	86
<i>О, совершись! О, совершись</i>	87
<i>Над Чунг огни раскалены, как горы</i>	88
<i>Зовёт, зовёт серебряная высь</i>	100
<i>Жар солнца и холод луны</i>	101
<i>Что человек в узоре мировом?</i>	102
<i>Нам проникает в душу</i>	102
<i>Поют голубые звёзды</i>	104
<i>Где смыкается голос высокой звезды</i>	105

<i>В звёздном дожде каждая капля .....</i>	<i>106</i>
<i>Ещё не открылся родник моей юности .....</i>	<i>107</i>
<i>У серых дождей изначальная грусть .....</i>	<i>110</i>
<i>Крыльями сердца своего .....</i>	<i>111</i>
<i>Любовь не ослепляла никого .....</i>	<i>111</i>
<i>Сказания вечного духа .....</i>	<i>112</i>
<i>Из сердца недр растёт познания кедр .....</i>	<i>114</i>
<i>Слишком много грядущего .....</i>	<i>114</i>
<i>При утреннем свете пишу .....</i>	<i>116</i>
<i>Как предвестие преображенья .....</i>	<i>116</i>
<i>Качаются лиственниц платья .....</i>	<i>117</i>
<i>Тонкой канвой узора .....</i>	<i>117</i>
<i>Отцветшей розы тусклые глаза .....</i>	<i>118</i>
<i>Свет исходит из сердца .....</i>	<i>118</i>
<i>Открой своё невидящее око .....</i>	<i>120</i>
<i>Лучей луны зеркальное стекло .....</i>	<i>120</i>
<i>О, не мучь меня творчество .....</i>	<i>121</i>
<i>Чаручели! Милимилин! .....</i>	<i>123</i>
<i>Миг духовной работой .....</i>	<i>124</i>
<i>Мученье души моей .....</i>	<i>125</i>
<i>Сталь для меча раскалена .....</i>	<i>126</i>
<i>Ветер лунный прохладен .....</i>	<i>127</i>
<i>Притчи ветра так древни .....</i>	<i>128</i>
<i>Как нащупать больное .....</i>	<i>128</i>
<i>Встань ото сна и всмотрись .....</i>	<i>129</i>
<i>Дым весенней метели .....</i>	<i>129</i>
<i>В объятьях славы и побед .....</i>	<i>130</i>
<i>Не нарушая сокровенья .....</i>	<i>131</i>
<i>Каждый раз — всё сначала .....</i>	<i>132</i>
<i>Лавина слов — и смысла пустота .....</i>	<i>132</i>
<i>Тончайший свет за пологом тумана .....</i>	<i>133</i>
<i>Снега идут неслышно и легко .....</i>	<i>134</i>
<i>О вечной душе .....</i>	<i>134</i>
<i>Раскрывают цветы голубые глаза .....</i>	<i>135</i>
<i>Таёт за снежной грядой облако дня .....</i>	<i>135</i>
<i>Роза моя расцвела на окне .....</i>	<i>136</i>
<i>Жажду мою утоли .....</i>	<i>136</i>
<i>Над Башней Белой — свет агни-сферы .....</i>	<i>137</i>

<i>Исчерпанным темам предан наш ум .....</i>	<i>137</i>
<i>Не завышай возможности свои .....</i>	<i>138</i>
<i>Я не отрезанный ломоть .....</i>	<i>140</i>
<i>Не утолить унынья взор .....</i>	<i>141</i>
<i>В заклинаниях правды, в суровых обетах.....</i>	<i>143</i>
<i>Ах, стихи! Моя боль, мои верные спутники! .....</i>	<i>144</i>
<i>Есть миг и час, чтоб слышать сердца глас .....</i>	<i>145</i>
<i>Пророчат витии, бед обещаю сеть .....</i>	<i>145</i>
<i>Шевелятся лиственниц ветви .....</i>	<i>147</i>
<i>Одинокое дерево в Сердце Вселенной .....</i>	<i>150</i>

На службе у Небес состоящий

Есть такое небесное назначение — поэт. Обязанности его не прописаны ни в одной земной служебной инструкции. Задачи его — из всех доступных оборотов и понятий сложить ступени к несказуемому, вырубить их в тяжёлой земной породе и дать любому из нас, обнаружившему эти ступени в его строках, возможность подниматься, понемногу отрачивая крылья своей души.

Сейчас, накануне серьёзного эволюционного витка, мы все пишем стихи, принимаем слово Учителя, обнаруживаем в себе Третий Глаз, слышим небесные колокола — но часто забываем взять в руки сборник стихов сотоварища по планете. И хотя давно отбушевали те времена, когда творцы поэм собирали огромные аудитории, поэт и сегодня делится с нами торжественным, сокровенным отношением к духовному наследию и нашему времени. Поэт не боится быть по-детски трогательным, но и суровым к «недорослям», не забывая при этом, что перед Небесами, перед Высшими Наставниками, недорослями мы будем всегда — каждый раз на ступени иного, нового качества: ведь чем выше забираешься, тем дальше горизонт.

Все мы ищем дорогу обратно и одновременно вперёд. Ищем дорогу в самом себе, в философских текстах, в природе, в стихах...

О беспредельности, о необходимости быть в движении, о любви, о жажде вырваться из привычных трёх осей координат — очередной сборник стихов Владимира Павлюшина.

Вера Ярославцева

Я лишь только исчезнувший гость
В миражах великой пустыни.
Я лишь луч, проходящий насквозь
Через бездну миров незримых.

Я лишь искорка света огня
На вершине цветущей горной,
Что нависла, главу склоня,
Над светлой гладью озёрной.

Я лишь только цветочный туман,
О прекрасном сердце поющий.
Над тропинкою слов караван.
Из мгновений огненных вьющий.

Я лишь только мелькнувший гонец,
Только что на пороге стоявший,
Словно жизнью отлитый венец,
От Владыки посланье отдавший.

Я лишь только исчезнувший гость,
Уходящий в царство Акаши.
О Владыка, сожги мою боль,
Что страданьем пронзила меня
До глубин моей пламенной Чаши!

Я душистый туман на великих горах.
Над озёрами тайн в письма собираясь,
Что мудрец прочитает, осяду во прах,
Оросив и цветок, и листочек, и завязь.

Я жемчужная глина и белый песок.
Ритм миров каждый миг в нас рисует узоры.
И ваятель всемирный слепил нас, как мог,
Возведя в совершенство человечества горы.

Ослепляющий смысл телом в нас искажён.
Фокус мысли расплылся облаком страсти.
Кто несчастьем сражён, златом кто заражён,
Сон сознания приняв за довольство и счастье.

Но исчезнувший гость мысль твою не займёт.
Ты не вспомнишь о нём в блеске благополучья.
Но в страданье увидишь — он снова встанёт
На пороге сознания судьбой неминуемой.

Ветер поёт.
По вереску снег шуршит.
В скалах свистит
Нахлынувшая пурга.
Как камень тяжёлый
Слетел с уставшей души.
Как тайного друга
Меня приняла тайга.

Нашёл я для сердца
Здесь долгожданный приют.
И ноги в долину
Идти уже не хотят.
Нигде меня в мире
Теперь уже так не ждут.
Лишь струны пространства
Давно для меня звучат.

Как прожит мой час,
Как истаял мой тихий день,
Кому нужно знать,
Кроме кедров на Белой Горе?
Я сяду на камень,
Далёкой молясь звезде,
Чтоб первым увидеть
Солнце на ясной заре.

Мы все распяты, все распяты
На этом призрачном кресте.
Лишь оттого, что виноваты
В своей душевной пустоте.

Неизгладимую унылость
Мы поселили в рай земной.
Всё ангельское в нас забылось
За этой горькой пустотой.

И суета, и суесловье.
Не докричится сердце к нам.
А начиналось всё любовью.
И детства был прекрасен храм.

О глупое отождествленье
Себя с материей земной!
Во мнимости вседозволения
Жестокий зиждется покой.

Оставьте боль! Цветок и камень
Живут, не опасаясь зла.
И небо щедрыми руками
Им воздаёт, как всем, сполна.

Воскресли! Но надолго ли воскресли?
Людской уклад не знает торжества.
Мы рады воскресенью, только если
Оно избавит нас от волшебства.

Духи иллюзий, пыль очарований
И молодости преданный обман.
В плену неутоляемых желаний
От чистых мыслей светом обуян.

Взлёт веры — и опять свеча погасла.
Но искорка горит, горит, горит.
И в кои веки дух наш в будни заслан.
И застит душу измельчавший быт.

А бытие истлело в озлобленье.
До мелких ссор унизилась любовь.
Но через пыль космическое зренье
Свет воскресенья вносит в нашу кровь.

Пыль до небес взмели желаньем серым.

В нас задышается неугасимый огонь.
Через тропу чудес и ужасы пещеры
Нам открывается цветок дорог.

Из этой тьмы куда уходим мы,
В сверкающую звёздочку сжимаясь?
Какой же опыт жизнью в нас намыт?
Как золото времён горит, сплавляясь?

Страдания и боль осадок зла
В нас выпарят, несчастье станет шлаком.
В какую степень жизнь нас возвела?
Что уготовано ушедшему из мрака?

Священный дух, пылающий огнём,
Над нами солнцем мысли существует.
Сияющее будущее в нём
Накалом белой нити торжествует.

Пасхальное кладбище.
Толпы голодных детей
Уносят тайно угощение с могил.
Господь их прости,
Не евших уж несколько дней,
Лохматых и грязных,
Собравших последние силы.

Сильней усталости накал.
И разум тело обгоняет.
Но нас ничто не извиняет
За страсть и грусти горький вал.

Ах, суета! Ах, суета!
Возможностей бесценных пепел.
Упущена сама мечта,
Ослабли устремленья цепи.

Из края в край, из света в тьму
Швыряет шквал безумной жизни,
Взбивает пену, множит муть.
Лишь мысль серьёзней всех ревизий.

Назад... Но прошлое ушло,
Распалось, исчерпав творенье.
Дотла мгновения сожгло,
Дотла забылись откровенья.

Цветы мои цвели тайком,
Пугаясь пристального взгляда.
Нет ничего... Иду легко.
Поёт дорога, пьёт прохладу.

Как образумиться легко
Тому, кто не отягчён богатством!
И было б худшим святотатством —
Расстаться с тайны языком.

Как живы шорохи тайги,
И вздохи гор, ручьёв камланье,
И эха тихие шаги,
И ароматов чарованье!

И тоньше пуха тополей
Мгновенья нежное касанье,
Вихрь образов и взрыв идей,
Которые уносит тайна.

Как удержать, остановить
Поток моих мыслетворений?
Но время дальше тянет нить,
Слепя нас новым откровеньем.

Лечу, молчу, и так легко,
Что утомилась велегласность.
Средь звёздных золотых снегов
Я сам — мгновение в прекрасном.

Синева растворяет людские слова.
И мгновенья пронзают нас тоньше нейтрино.
Словно пена ажурная жизни канва.
Лёгким кружевом света дней ткётся картина.

Безраздельна великая времени власть.
Над пространством, что собрано в Беспредельность,
Мы летим бесконечно и не можем упасть,
Не прожив даже искры, что канула в вечность.

Синева моё сердце давно обняла.
И наплыв роя слов дышит мысли туманом.
Звёзд росой облетают поутру слова,
Чтобы вечером всплыть чистотой осиянной.

Терпению учат горы.
Наверх нелегко вспорхнуть.
Ног движеньями скорыми
Истерзан тернистый путь.

Солёный пот заливает глаза,
Дождинками капает с рук.
Мгновеньям счастья не сладко
Без этих тягостных мук.

Как мотылёк, что книгою раздавлен,
Так я раздавлен знанием вселенским.
Я залетел беспечно и случайно
Между листами Книги Бытия.

И жар небес испепелил мне душу.
И хлад ума мне чувства заморозил.
Лишь зёрнышко во мне он не расплавил,
Что не подвластно вечному огню.

Оно само тот изначальный свет,
Тот первозданный импульс пробужденья,
Который заставляет сердце биться
И, повторяя его вечное движенье,
Дарует жизнь космическим созданиям.

Душа моя — легчайший мотылёк, —
Испуганная, упорхнёт синицей
С запрятавшейся в Библиотеке Жизни
Моей заветной пламенной страницы.

Ах, мгновенье! Куда ты кануло?
Золотою песчинкой блеснуло —
И являешься заново, заново,
Прорываясь космическим гулом.

Не таишься и не торопишься.
Лишь опомнишься — ты ускользнуло
Лепестками легчайшими по ветру,
Пеплом листьев, что осень раздула.

Где-то искры священные копятя.
Где-то золото дней намывается.
Хоть ушедшее не воротится,
Память тихая возвращается.

Остуди мою душу знойную!
Утоли мою жажду святости!
Нам наказано стать достойными
В океане человеческой радости.

Смерть возвратит утраченные силы.
В горниле смерти обновится всё.
И загорятся ярче дней светила.
Ума острее станет лезвиё.

Никчёмны станут денег власть, и слава,
И пепел остывающий страстей.
Взойдёт любовь в небесную державу,
К божественной прародине своей.

Небесный Мастер перельёт состав,
В священном тигле пламени расплавив.
Его рукою водит красота
В живом вулкане, в душ кипящей лаве.

И, отливая тел великий ряд,
Не повторится и не ошибётся:
Кому чертополох, кому священный сад —
Без воздаяния никто не остаётся.

Так тантра жизни свой обряд творит,
Закон не нарушая пентаграммы.
Размеренной орбитой мир летит,
Неся любви заложенные дхаммы.

Закон — над всем. И сами мы закон.
Его переступая — умираем,
В мгновенье ока или в протяжении веков
Себя на разрушенье обрекаем.

Какой цветок в духовной чистоте
Мы сможем вырастить, Учителя лишь знают.
Они Себя на мировом кресте
Трудом невероятным распинают.

Но мир инертен, трудно изменим
В плену своей материи тяжёлой.
И только мыслью к Божеству летим,
Земных трудов осознавая школу.

И только там, стряхнув холодный прах,
Над вереницей крошечных галактик,
В надзвёздных успокоимся мирах,
Жизнь незначительным считая фактом.

Мы искупили позабытый грех.
Мы вновь пришли к отеческой твердыне,
Где время остановит грозный бег,
Где будем вечно живы мы отныне.

Не помня прошлые заслуги
Испепеляющей любви,
Мы в роковом порочном круге
Теряем пламенные дни.

Что возвратилось, что забылось.
Блаженна юности страсть.
О чём мечтали, то не сбылось,
Но нас коснулась благодать.

Все мы опалены любовью
В мученье и безумных снах,
Где наслажденье вместе с болью
Нешадный растворяют страх.

Стыд уходил, одно влечение
Вело в неведомую даль.
И неземное восхищенье
Земную плавило печаль.

Туман рассеется к полудню.
Проснутся горы ото сна.
И станут праздниками будни.
И станет вечною весна.

Впитав всё лучшее земное,
Воспрянет для творенья дух.
И тайна вечного покоя
Замкнёт осознания круг.

И сущностные перемены
В глубинах душ произойдут.
И будет радость сокровенной.
И сокровенным станет труд.

И преступленьем станет праздность,
Легко скрываемая лень.
Вернутся варны, духа разность
Разделит справедливый день.

И что доступно, то свершится,
Не преступая свой предел.
В неведомое возвратится,
Что сердцем истинно хотел.

Туман рассеется к полудню.
Вершины обнажатся гор,
Где мрака отступают будни,
Где осень свой зажгла костёр.

Там, в очертаниях неясных,
Холодных мыслей суета,
И вопли сирых и несчастных,
И жизни горькой маета.

А выше, в призрачном сиянье,
Божественный и чистый свет,
Мгновенья вдохновений тайны
Как будущего силуэт,
Дворцы и облачные храмы —

Прообраз совершенных дней,
И музыка священной дхаммы,
И аромат, и дивный цвет.

Для плоти — грех, для духа — святость.
Изнеможенье даст покой,
Где нам не нужно будет прятать
Себя во мрак — кто ты такой.

Там всё обнажено до сути.
Там всё известно наперёд.
Там справедливейшие судьи
Тебе определяют исход.

Не надо лгать, и изменяться,
Маскироваться под толпу,
И душу жечь, и напрягаться,
Хоть все написано на лбу.

Ах, дёготь жизни, пух желаний!
Всё исчезает, как туман.
И горы наших упований
Нам не видны в слоях ума.

Не принимая мрак за тайну,
Прорвись сквозь занавес земной,
Где осень снова зажигает
Костёр любви священный свой.

Прости за жизнь, истраченную в пух.
Прости за то, что измельчили дух

И что мелодию, священную на слух,
Не повторить, как некогда в минувшем.

Отраднo то, что зелен лес судьбы,
В котором чудеса ещё творятся
И где воображенья сбита пыль.
Туда земные тени не стремятся.

Там сон грядущего, там радости дворец.
Не вянут там цветущие поляны.
И стражей огненные бубенцы
Не умолкают в снах благоуханных.

Прости, что обступающая муть
И нас касается своею мерзкой властью.
Но путь пред нами — очень ясный путь.
Пойдём туда: там свет и утро счастья.

Из света золотого этот плен.
Сияет осень суете взамен.
На смену буйству лёгкость и прозрачность
Стремятся к нам в долину перемен.

Цветёт цветок в желаньях молодых.
Сжигает страстно он за мигom миг.
В пустых мечтах дотла он изнывает.
Уйдя от прошлого, сегодня он постиг.

Ах, осень! Как раздранье завес,
Прекрасны горы, к нам распахнут лес.
И возраст мой сродни преображенью,
Когда ты отказался от чудес.

Сметает листопад ненужные слова.
От мнимой тайны — пепел увяданья.
И сущность жизни нитями сродства
Связует все природные желанья.

Обнажены основы бытия.
Смысл ясен на примере всей природы.
А я готовлюсь в дальние края,
Заслышав свист душевной непогоды.

И я, уставший от земных разлад,
Уже наметил путь в немислимые дали,
Где вечно маем дышит тихий сад
Вдали от всей несбыточной печали.

И умудрённость — тяжесть прошлых лет —
Во весь опор нам не позволит мчаться.
И ярче свет, небесный нежный свет.
И всё туснее ложный блеск богатства.

Мелодию опавших листьев
Осенний исполняет ветер.
Над долом сумрачным и мгlistым
Висит печаль о тихом лете.

Тихим золотом осень светится,
День ото дня тусклей и тусклее.
Ах, когда ж нам придётся встретиться,
От разлуки такой сатанея?

Далеко... И разорвана дружба
Непомерными расстояньями.
Что нам нужно? Ах, что нам нужно?
Уловить лишь друг друга дыханье.

Как лист увядший ты теперь.
Так трудно подниматься к храму.
Уж старость постучала в дверь,
А ты единой не исполнил дхаммы.

Сожжённых дней речной песок —
Без искры золотого ила.
Что вспомнишь ты — священный слог? —
К небесному взлетая Нилу?

Или тоской пустых страстей
Душа утратила прозрачность?
Куда льёт струи Водолей?
О ком небесный ветер плачет?

Как лист увядший ты теперь.
И маска юности размыта
Среди бесчисленных потерь,
Которыми ты здесь испытан.

Оставь, несуетно оставь
Желанья самосожаленья.
И неиспытанная явь
Погасит мира вождельня.

И новый мир, как чистый сон
Незамутнённого сознания,
Заглушит вопли похорон
И стон прощального дыханья.

Они скорбят не о тебе.
Ведь ты ушёл — они остались.
В неутихающей мольбе
Таится призрачная зависть.

Пройдя сквозь занавес времён,
Не отягчённый страхом смерти,
В свой новый мир, как в чистый сон,
Взлетел, оторванный от тверди.

Прощай, мой друг, но мне пора
Подумать о другой дороге.
В ладье сияющего Ра
Другие видятся чертоги.

Неотвратима мудрости фурба,
Что подрезает корень всех желаний.
Как высока великая судьба
Освобождённого от вековых страданий!

Не нужно им ни гнить, ни истлевать.
Их участь, отсечённых, — стать сухими,
Когда желаний лес начнёт молчать,
Сжигая корни мгновеньями святыми.

Небесный огонь страсть плоти подкосил.
Он пробудил духовные желанья
И напряжением всех высших сил
Срок сократил для кармы изживанья.

Не сам ли ты священная фурба,
Что движим волею сокрытого Владыки?
Как высока великая судьба
Впитавшего весь опыт многоликий!

В горах — бескрайняя зима.
Трав бурый цвет нам не привычен.
Так грустны серые дома,
Что изменили свой обычай.

Пустая трата. Ветер пуст.
Лишь пыль дорожная клубится.
И барбариса красный куст
Ещё пылает и искрится.

Рассыпал иней по траве
Алмазной пыли переливы.
И дальний золотится свет,
Лаская стерни старой нивы.

Давно соскучилась душа
По чистоте зимы, по снегу,
Что, свежестью своей дыша,
Даёт невиданную негу.

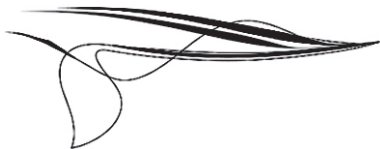
Я знаю дорогу,
И знает дорога меня.
Она улетает,
Метелями света звеня.

И я улетаю за ней
В беспредельные дали.
И я улетаю —
Живой лепесточек огня.

Уставшее солнце
Смиряет лучи, приближая закат.
А ветры пронзительно-жгучи
Дыханьем своим леденящим.
И дня урожай
Страдою невидимой станет.
Пралайя ворвалась
И царствует над настоящим.

Часы бытия
Высекают мгновения дел.
Сквозит благородство
В сверкающей поступи жизни.
И вечный удел —
Заглянуть за запретный предел
И, выйдя на свет,
До небес свою душу возвысить.

Один я.
И мысли как сломанный лук.
И разум молчит —
Не силён, не упруг.
Один я.
В трясику упавшему трудно
Подняться,
Оставив порочный свой круг.

Как трудно смириться,
Ума тетиву натянув.
Как трудно сквозь вопли
Безумных рыданий и смеха
Сберечь свою душу
И белую света струну
Заставить звучать
Духовною песней успеха.

Ах, время! Ах, время!
Проворный песок золотой
Ещё не иссяк
В часах беспредельной Вселенной.
Вибрирует сердце,
Творя напряжённый покой,

Гармонию жизни
В работе своей сокровенной.

Что мир напридумал —
То с мёдом намешанный яд.
Нам кровь отравил
Дурманом небес постиженья.
Но сердце стучит,
И есть в нём особенный лад —
Событий космических
Слышится в нём отраженье.

Истлели года,
Но судьбы не истлела печаль.
Она, Немезида,
Следит за намеченной жертвой.
На каждом из нас
Наложена тайны печать.
И каждый из нас
Нарекается ныне бессмертным.

Пыль плоти слетит,
Дыханье поглотит огонь.
Мощь воли уйдёт
В разделы высокого духа.
Но жизнь мы проводим,
Как будто бы в день похорон.
Себя мы хороним
Безжалостно, больно и сухо.

Так, помгновенно
Себя обращая во прах,
Страданьем меняя
Свой мир, словно болью зубною,
Идём не с молитвой,

С проклятьем на горьких устах,
И ненависть наша
Становится жизнью другою.

О страсть пониманья!
О жгучее пламя стыда!
Болезненный отзвук
Посмертных видений душевных.
Достоинство смято.
Пустая одна суета
В мгновения влита,
Которые исто волшебны.

Которые созданы
Вышней счастливой рукой.
И толики той
Мы не сможем испить из единого мига.
О Сат-Чит-Ананда —
Миров высочайший покой, —
Как свет, оседает
На наших телесных вершинах.

И это блаженство
Сочится, и ауры мир,
Не видимый нам,
Вбирает сердечные знанья.
Испить бы до дна
Единый космический миг,
От верха до низа,
Чтоб стать как само осознанье.

И сыплется тихо
Поющий песок золотой.
И каждый из нас —
Немезида и тайная жертва.

О Сат-Чит-Ананда —
Миров высочайший покой!
Тобой нарекается
Каждый отныне бессмертным.

Сквозь скорбь похорон
Мы услышим звучанье небес.
Мы радостны станем,
Себя обретая, как дети.
Пройдёт эта тьма
Предательств, коль разум воскрес.
Пройдёт по планете
Живой очищения ветер.

Пославший! Отзовись!
Сквозь бурю суеты
Дай проявленья миг,
Чтобы найти мосты.

И чтобы глаз судьбы
Укором нас не сжѐг,
Чтоб жар живой мольбы
Очистил чувств поток.

Сквозь мысленную спесь,
Через гордыни бред
Я пред Тобою весь,
Пославший в этот свет!

Но что исполнить здесь

Мне в жизни поручил?
Какую тайну-весть
Моей душе вручил?

Хоть отголосок сна!
Хоть отзвук дальних слов!
Когда узнаю свет
Неведомых даров?

Любовь оправлю в скорбь.
Алмаз святой зажгу.
Ведь Ты на помощь скор.
Шепни — и я пойму.

Дохнёт ли ветер с гор,
Снега ли налетят,
Неумолимый Взор
Глаза мои хранят.

Метели плетут
Кривую дорогу ночную.
Метели свистят,
По светящимся окнам скользя.
Уйти бы в тайгу
В такую погоду шальную,
Всей этой сумятице
Огненным сердцем грозя.

Не знает ветер слов заснеженной скалы,
Чей голос камнепада сокровенней,
Что падает в ревущую Катунь:
Чей голос тише, тот проникновенней.

А метеоры вспыхнувших огней —
Мгновенья звездопадных озарений,
Усталый росчерк времени руки,
Автограф исчезающих мгновений.

Рассыпанная огненная даль —
Костёр бессмертного самопознания.
Заглавье книги — каждая звезда
В библиотеке вечного познания.

В углах застенчивых,
Где тени находят приют,
Для нас не известные,
Тихие тайны живут.
Там мир паутины
И милых сердцам домовых,
Что в дом не пускают
Чужих.

Ты скажи, о чём восходящее солнце поёт.
На Алтае живёт его древний народ.
Духи гор охраняют таинственный край.
Много лет наперёд заколдован Алтай.

От истоков живых, от целебной воды,
От уступов крутых и от яркой звезды
Я к тебе прихожу, Святая Земля,
Припадая к обо, молитву творя.

Словно ленты на дереве духам дары.
Словно камни святые на вершине горы.
Словно горсть лепестков в кипучей воде,
Как арча тихо тлеет подобно звезде.

И как духи твои тебя сторожат,
Так и тайны твоей неведомый град.
Там не золото земное, не серебро,
Там поверий твоих золотое добро.
Там шаманы великие и кайчи.
Там священные лица и Владыки мечи.
Там Великий твой Царь, о мудрый Алтай,
Непонятный и чистый таинственный край.
Небо тлеет над ним, словно ветка арчи.
Ветер дышит над ним, как песня кайчи.

Я взываю к тебе, о Огненный Дух!
Исцели моё сердце, зренье и слух.
Освяти моё тело в темной ночи.
Посвяти, совершенный, в золотые кайчи.

От бегущей воды камень гладок и кругл.
От летящей звезды просветляется круг.
Круг, где высших стремлений собрались лучи,
Где шаманский твой бубен всё время стучит,
Где гортанное эхо будит снега,
Где стоит, словно стража, живая тайга.

Серебряной мыслью зажги небосвод.
Пусть видят глаза беспредельный полёт.
Сияющий шар облетает миры,
Не зная преград своей дивной игры.

Мысль тянется к мысли в творенье добра.
Мощнее огонь золотого костра.
Серебряных чувств накаляется шар.
Любовь источает стремления жар.

Морозы звонят в колокольчики льда.
Лед кличет зовущую музыку звёзд.
Истаяла льдом наших дней череда.
Мечта отзвенела, как утром — мороз.

Но роза цветёт. В окна смотрит зима.
Надежда на юность живёт глубоко.
Дела наших дней — историй тома.
Так трудно вернуться. Уйти так легко.

Колдует луна над долиной седой.
И сыплется иней от лунных ночей.
Разлито сиянье за горной грядой.
Мир смотрит на нас миллионом очей.

Сгорела звезда, но свет её ярок и чист
И будет светить ещё долгое время.
Сгорела звезда, свернувшись, как лист,
И пепел рассыпан пылью весенней.

И мы, подражая примеру небес,
Всё тешим себя отгоревшей мечтою.
И прошлое будим, томясь в непокое.
Но мир тот сгорел в тумане чудес.

Над нами смеётся весёлая мгла.
Покровами майи окутано сердце.
Лишь белая нить — мгновенья игла,
Свеча постижений — вовеки бессмертна.

Будь мига достоин и не омрачай
Священного таинства гневом дурмана.
Духовная искра пылает в ночах
Сквозь майю и ложь, непокой и туманы.

Духовная искра — что мысли родит.
Пусть сад расцветает цветов совершенных.
Любовь во Вселенной одна лишь царит —
Единственной силой нетленной.

Торговая площадь в морозном тумане.
Толчётся народ, зря товар заграничный.
И толпы зевак торг призрачный манит,
Когда-то запретный, теперь уж привычный.

Здесь всё продаётся, и духом наживы
Пропитаны люди, банкноты слюнявя.
Скорей полусонны, чем истинно живы,
Всю жизнь разделив на паденья и взлёты.

Кому огорченье пустая покупка,
Кому-то всё это — свирепая радость.
Весь мир — потрясенье и тайная скупка,
Кому-то сокрытая где-то услада.

Отпрянула честь, стыд оставил живущих.
Прилюдно творится базар человеческий.
За грош продаётся труд неимущих.
За грош покупается пьяная вечность.

Отныне в позоре, что вами не ведом,
Лишь миг поживите в огне милосердья.
Каким же нас кормят духовным обедом?
И яд нашей жизни иному не ведом.

Что с миром творится? В вампирском оскале
Вся тёмная рать ополчилась на душу.
Когда же такую нас пыткой пытали
И лили отраву в голодные души?

Разрыв поколений. От музыки злобной
Гормоны кипят, вырываясь наружу.
В стране лишь мошенники невиданной пробы
В сердца навевают бесстыдную стужу.

Оскал Кали-Юги — конец, завершенье.
Под утро встают зловещие тени.
Изыди, пустое круговращенье!
Приди к нам, покой и любви обретенье!

Сердце, сердце! Не истекай
Болью и неутомимой страдания кровью!
К нам уже мчится сверкающий май,
Что обнимает нас вечной любовью.

К нам уже посланы вестники звёзд,
Тайные стрелы, несущие знание.
Пусть для страдальца мир наш — погост.
Только для нас этот мир — созиданье.

Поле земное не враз зацветёт.
Много труда и терпения нужно.
Наша любовь, устремленье и пот —
Верю! — сослужат нам верную службу.

Сердце святое! Не плачь, не плачь,
Глядя на эти несовершенства!
Каждый себе и врач, и палач,
Комната пыток, и остров блаженства.

Благоухание травы
Течёт с нагретых солнцем склонов.
И шорох молодой листвы
Поёт сквозь полдень солнцезвонно.

И летней дымкою пыльца
Кружится над цветущей далью.
Долину видно до конца.
Катунь блестит холодной сталью.

Ох вы, ветры! Печаль развеите,
Что мне душу, тайная, сушит.
От полынной чаши испейте,
Слово данное не нарушив.

Унесите меня далече
Лепестком цветочного луга.
Где мой вечер и лунные встречи?
Где моя девчонка-подруга?

Где берёзонька — нам свидетель, —
Что всё знает, но только не скажет?
Ах, какие милые дети
Улыбались, мечту будоража.

Давно уж вырыл водопад
Своей клокочущей волною
Высоты каменных оград,
Тоннель бездонною водою.

И столько лет из мига в миг
Живёт он, падая и плача,
Испуганный роняя крик,
Бросаясь в бездну наудачу.

Трубой трубит немолчный гул,
Гуляя эхом по ущельям.
Свистят ветра в лицо: «Тю-юн-гуур», —
И клонятся в почтение ели.

Солнцепоклонник и бродяга,
За жизнь признателен судьбе.
Дни тлеют, как в печи бумага,
Где я вздыхаю о себе.

Когда огонь горит, пылая,
То жарко выдержать его.
А иногда он затухает,
Как головёшка среди снегов.

А вдохновенье то возносит,
Пронзив звучаньем тайных струн,
То тихо-тихо в травы бросит,
В сверканье мокрых, росных лун.

Ах, жизнь моя! Лишь половина
Осталась в золотых часах.
И золотая середина
Не удержалась на весах.

Напрасно подвергаясь гневу,
Напрасно плача от обид,
Я незаметно каменею,
Одетый в панцирь-динамит.

Непозволительной усладой
Холодный затмевая ум,
Своею мерзкою наградой
Себя утешить не могу.

Не щурясь от дневного света,
Не плача от пустых обид,
Я раскрываюсь незаметно
Вулканом среди холодных плит.

От вдохновенья свирепея,
Проклёвывая скорлупу
Привычных слов, я не умею
И новым быть я не могу.

Как уловить неповторимость?
Как то содеять волшебство
И описать неизъяснимо,
Где огненное колдовство?

Как до конца отдаться плену
И плен стихов собрать в поток,
Чтоб тайны все постичь мгновенно,
Усвоив мировой урок?

Как горячи мои печали!
Взрываясь, безысходность мстит
Всему вокруг, и это ралли
Внутри меня, кружа, шумит.

Опять, и по тому же кругу.
Опять повтор, опять виток.
Не дай бог ни врагу, ни другу
Безумных мыслей кипятилок!

И, не играя в отстранённость,
Я душу рву по мелочам
И прячу нежность в затаённость,
Под маску грубого бича.

А за душой — одна усталость,
Накопленная за года.
И озлобление осталось,
Оголено, как провода.

Но всё пройдёт, пройдут печали,
Наш прах сравняется с землёй.
И высоко, в безмерной дали,
Душа затеплится звездой.

На подоконнике в цветах
Играет робкий луч.
Как будто золотистый лак,
Он нежен и певуч.

Просвечивают лепестки,
И ароматен свет.
Лекарство от земной тоски,
На нашу жизнь ответ.

Без красоты и без тепла
Ничто не оживёт.
Она целебная смола.
Она бесценный мёд.

В экстазе постиженья сил
И в просветленья миг
Благословен, кто ощутил
В земном небесный лик.

Дыханье тонкой синевы
Вошло в мои глаза.
Снега покрыли шум листвы,
А тени — бирюза.

Ах, ночи всё синей, синей
В декабрьский мороз!
И тянет всё сильнее, сильнее
В тот край, в котором рос.

Какая-то живая нить
Соединяет нас.
Дай бог вовеки сохранить
Нетронутым тот пласт!

Всё позабытое опять ко мне стучится.
И скука прошлая как праздник предстаёт.
Как хочется в судьбе своей зарыться,
Через вчера всё видя наперёд!

Не отражая доброе и злое,
Всё принимая в жизненном клубке:
Испуганного мальчика, героя,
Купальщика на золотом песке.

Пловца, что реку переныривал мгновенно,
Ловца, что на столетних елях спал.
Как я любил, страдал попеременно,
Напрасным чувством сердце надрывал.

От горьких трав, от земляники сладкой
По зарослям орешника бродил.
Был тихим, от других живя украдкой,
И всё своим обидчикам простил.

Всё отошло в неведомые дали.
Но иногда жизнь наплывает вновь,

Играя светом счастья и печали,
Душе давая и покой, и кров.

Вновь хочется в судьбе своей зарыться,
Через вчера всё видя наперёд.
Всё позабытое опять ко мне стучится.
И скука прошедшая как праздник предстаёт.

Гляжу в грядущее, и в зеркалах хрустальных
Дрожат огни рождественских свечей.
Стекло покрыто беспредельной далью
И взглядом долгим пламенных очей.

Переменись, моя судьба!
Открой все лучшие страницы,
Весь путь мой от цветка до птицы,
Всех жизней бесконечный бал,
Пока смог в человека воплотиться.

Переменись, моя судьба!
Найди все лучшие мгновенья,
Чтоб я не видел сновиденья,
Чтобы не мучила волшба,
Чтоб сердце налилось прозреньем.

Порой, впадая в озаренье,
Я вдохновением живу,
Мечтаю, чтобы вдохновенье
Мне стало жизнью наяву.

Чтоб не блуждать и не томиться,
Слова ловить, ловить, ловить,
Чтоб в ритме сердца раствориться,
Чтоб только этим вечно жить.

Звенеть, как жаворонок в небе,
О красоте высоких гор.
В назначенный я верю жребий,
Как в неизведанный простор.

Тяжек путь неизжитых чувств.
Ночь затмений зовётся «жизнь».
Давит на сердце гнева груз,
Истошающий силы души.

Не смыкается правды цепь.
Не срастается рана слёз.
И свечу мою — чистую цель —
Не загасит земной мороз.

Мой престол, мой святой алтарь,
Не доступен ни для кого.

В нём слуга я, монах и царь.
Нет в нём зла и ненужных врагов.

Нет в нём лени. Учитель лишь есть,
Мой Наставник и Огненный Друг.
Там моя высокая честь
И великого знания круг.

Не суетись на здешнем берегу,
Напрасно ожидая переправы.
Ты видишь — берега давно в снегу
И крепок лёд судьбы, как тело славы.

Не суетись, богатства не считай,
Лишь возвышая устремленье духа.
Неистощимое, святое обретай,
Что глаз не видит и не слышит ухо.

Я скиталец в этом мире,
В величайшей из пустынь.
Я ищу волшебный камень,
Ту святыню из святынь.

Ту святыню, что нам небо
Даровало испокон,

Чей неумолимый жребий —
По земле блуждать тайком.

Где мы встретимся? Кто знает,
Где скрещение орбит.
Лучших дней он ожидает,
Радость красоты сулит.

Далеко ещё до ночи.
Не исхожены пути.
Оживает дух пророчеств.
Места нет, где не пройти.

Путь праведных душ —
Небо первого Света.
Тел наших вериги
Туда улететь не дают.
О духе творящем
Твердят все мудрые книги.
О духе, в котором
Нас в срок в высоту вознесут.

Жизнь от мгновений до эонов —
Вкусившим времени нектар.
А время сил — оно бездонно.
И знаньем Чаша налита.

Неповторимым постиженьем
Мгновенье каждое полно.
Не выпьешь — тут же испарится
Её волшебное вино.

Не превращай познание в пепел,
Дерзай, осмысливай, лови.
Полны космические степи
Ещё не познанной любви.

Хватило б капельки нектара,
Чтоб восхищением зажечь.
Несёт Серебряная Тара
Отточенный бессмертья меч.

Белый конь, что отпущен хозяином в поле,
Потому что стал стар, потому что нет больше сил.
А без сил даже вольная воля — неволя.
Белый свет утомлённому больше не мил.

Белый конь — это облако в сером тумане,
Света сгусток в такой непроглядной ночи,
Словно с неба сошедшее яркое пламя,
Плоть принявшее от возожжённой свечи.

Как дух свой обрести в высоком
И сделать жизнь совсем иной,
Чтоб исцеляющим потоком
Звенело небо надо мной?

Всё устремляя к совершенству,
Сверяя исполнение дел
С тем пламенем и с тем блаженством,
Куда когда-то восхотел.

Все что-то в этом мире ищут,
Срываясь, падая, и вновь.
Достойное алкает пищи,
Которую даёт любовь.

Из неопрятности и хамства
Что может доброго взрасти?
И лени тайное упрямство
Как камень на прямом пути.

Оборотить бы эти годы
На труд святой, а не такой.
Ведь не найти вовек свободы,
Коль рабский дух ещё живой.

.
И ни улады, ни награды
Уже не радуют души.
А мне здесь только что и надо,
Чтоб влиться в огненную ширь.

.

И здесь труд сделать совершенством,
Насколько позволяет вкус.
И делать всё с таким блаженством,
Чтоб в сердце не прокралась грусть.

Мгновенно ускользнёт довольство.
И новый поиск ищет цель.
Кипит святое беспокойство,
Рождая новизну идей.

Шаблонам сложно не поддаться.
Но мир наезженный уныл.
Грешно поэту повторяться.
Не надо головой стучаться
О камень крепостной стены.

Не прошибёшь, зато прибавишь
Себе напрасных синяков.
И не мечтай почить во славе:
Мир не таков, ты не таков.

Ищи хоть малую зацепку
Внести неповторимость в мир.
В кораблик превращая щепку,
Сравнийся с малыми детьми.

На них авторитет не давит,
Они в мышлении свежи.
И ни убавить, ни прибавить —
Течёт их радостная жизнь.

Не допуская пустоты,
Помыслим о мирах далёких,
Где собираются мечты
В живые огненные строки.

Где наша мысль творит миры,
Сцепляясь с родственными вместе,
Где вдохновения дары
Достойное находят место.

Там мыслеобразы сродни
Владык творящему Глаголу.
И там всегда мы не одни
Проходим сотворенья школу.

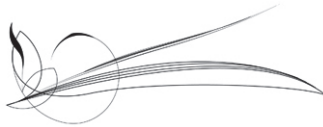

Мир зажигая огнём вдохновенья,
Ауры свет расширяя вокруг,
Я наполняю святое мгновенье
Тайной беседой с тобою, мой Друг!

Огненный Друг, ты живёшь в моём сердце
Истинным Я — океаном огня.
Скрыт от меня за туманной завесой,
Солнце моё, мой смысл бытия!

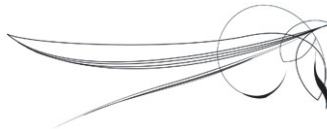

Горы снегом укрыты,
Как в пуху тополином.
Золотые птенцы —
Под крылом лебединым.

В шорохе снега и в пении звёзд,
В ветре ночном и в утреннем свете
Рядом со мной Ты, велик и прост,
Грозен и искренен, словно дети.

Вместо снежинок летят цветы.
Вместо мороза звенит южный ветер.
Все между нами разорваны сети.
Я есмь Ты!

Засохли колосья,
Но зёрна несут в себе жизнь.
Но зёрна —
Наглядная истина перерожденья.
Им стоит упасть
В глубины земной души —

Как вновь повторится
Кольцо золотого движенья.

Налетели ветра
В золотую долину:
Скрипки, флейты, фаготы
И свирельная дрожь.
Сквозь симфонию звуков,
Коротких и длинных,
Главный замысел автора
В ней не поймёшь.

Чистота очищенья —
Дыханье пространства,
Беспредельный полёт
Над земной суетой.
Воплощенье движенья —
Само постоянство
Наших душ, что в погоне
За тайной мечтой.

А звезда чуть мелькнёт —
И спрячется снова.
Наша радость и горе
Лишь вспышка и мрак.
Разрушаются горы,
Но достойное слово
Будет вечно служить
На посылках добра.

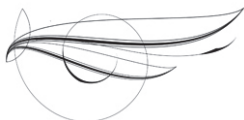

Не притворяйся, ветер, не твори
Свою заупокойную молитву.
Мы знаем, от чего поёт внутри
Иная музыка — от сфер духовной битвы.

Мы знаем — вдохновения экстаз
Не посещает нас, простых и смертных.
Он, по мгновениям накапливаясь в нас,
Уносит на один, быть может, час
В чертоги беспредельные бессмертья.

Не притворяйся, ветер, знаешь ты
Все таинства путей исповедимых.
И все дела великие просты,
Как ночи в ожидании любимых.

Язык Серафимов
Похож на Божественный Глас.
Когда наступает пора
Реченья творенья,
От слов высочайших
Кристалл образуется в нас
И слово заглавное
Делу даёт продолженье.

В законах иных
Та плоскость сознания лежит.
Иное мышление,
Иные встают горизонты.
Там чаша Владыки,
В которой увидел Джашид
Грядущее мира
И солнце священной короны.

Ветер бел от летящего снега.
В искрах синих кружит снегопад.
Словно души, уставши от бега,
В запредельные дали летят.

Эти бабочки лёгких мгновений —
Лепестки от небесных цветов.
Эти гости земных вдохновений —
Мыслеобразы новых стихов.

Снегопад — лебединая стая —
Укрывает долину от слёз.
То опустится вниз, то взлетает,
Обнимая всё небо до звёзд.

Словно души, уставшие в мире,
В запредельные дали летят.
Кто-то ждёт, смотрит в окна квартиры,
Когда кончится тот снегопад.

Поставлен крест на увлеченьях,
На играх юношеских лет.
С покоем близко обрученье,
Все чётче старческий портрет.

Неуловимость изменений
День ото дня, из мига в миг
Кладёт мазки иных явлений,
Которые в душе постиг.

С чем свыкся, что легко так понял,
До сути проследив тот путь.
И в нём не будет посторонних:
Лишь ты и он — твоя же суть.

Стучится зима в окно.
Кисточка красной рябины
Качается на морозе.

Страх, догоняющий нас, —
Это демоны зла,
Что живут в нашем сердце.

Звёзд алмазная россыпь —
Магические чётки,
Что вращает в руке
Молящийся Богу мудрец.

О ноша неизведанной судьбы!
Жизнь прожита, как будто злая шутка.
Года, как телеграфные столбы,
Мелькают серо в глубине рассудка.

Как высока горящая свеча
Лет юных и как к старости коротка!
Уже слова не рубанёшь сплеча.
Уже глаза глядят куда-то кротко.

И чаще в душу залетает грусть
О неземном, о беспредельном мире.
А бедная, обманутая Русь
Во все глаза в себя глядится шире.

Оборотившись к вере праотцов,
Спасенье ищет в кротких Ликах Божьих —
Спасенье от лжецов и подлецов
И от мерзавцев всех ясновельможных.

Разодрана великая страна.
Куски кровавые псы власти растаскали.
Душа людей до дна оскорблена,
Унижена чинушами-ворами.

Разор, разлад и близость нищеты
Маячат на просторах беспредельных.
Вопят на площади иные лжехристы,
Что спать мечтают в ельцинских постелях.

Будто бы вниз начинается бездна.
Нет ей ни дна, ни конца.
И из пыли собирается звёздной
Всадник без глаз и лица.

Всадник с копьём, и в белых доспехах,
И на белом коне.
Мчится в пространстве, не ведая страха.
Мчится прямо ко мне.

Свет излучая в пространствах межмирных,
В молниях грозных огня.
И сквозь забрало очи сапфирные
Остро глядят на меня.

Огненный взор навевает трепет
Красноречивее слов.
Будто бы ветер в горячие степи
Властный доносит Зов.

Это сиянье неведомой силой
Чистую льёт благодать.
Облик Архангела Гавриила
В мир продолжает сиять.

*«Певучий дух,
задушенный телами...»*

М. Волошин

Мятежный поиск, ищущий протест
Всему, что мир удерживает строго.
Куда ведёт нас горькая дорога
Свободной воли, жаждущей чудес?

Злой произвол — то дьявольское семя —
Нам застилает зрение небес.
Неумолимо давящее время —
Пространство проглотивший алчный бес.

Мы изменить не в силах воли этой.
От странных чар не уберечь тела.
Мы здесь всего лишь редкие кометы,
Ворвавшиеся в беспредельность зла.

Окутанные змеями судьбы,
Которых своей яростью взрастили,
Миров прекрасных собираем пыль
И той божественной безмерно рады силе.

И капли слов, стекающие в нас, —
Амброзия, роса садов блаженства.
В клубке страстей мы ищем совершенства
И восхищенья обретаем час.

Прощать других, прощение обрета,
Смирять чувств клокочущие недра.
Мы усмирители космического ветра,
Держатели порядка бытия.

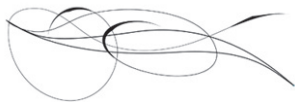
Вся наша жизнь натянута, как нерв,
Сплетённая из мыслей и видений.
Наследники безумных поколений.
Хранители неведомых химер.

Экспрессия свободных строк
Пространство мира зажигает.
Но ей, легчайшей, угрожает
Неодобрительный кивок.

Поэзия — она рывок
В слои неведомой Акаши,
Где мысли ожидают срок,
Срок нисхожденья в слово наше.

Ток воплощённого стиха,
Ещё не выраженный в звуке,
Не зазвучал ещё пока,
И тайны не коснулись руки.

«Учись терпению, —
Сказал мудрец. —
Ведь без терпения труду
Конец».

Мысль — океан! И он неисследим.
Неизмеримы вечные глубины.
Из сердца света благовонный дым
Слагается в алмазные вершины.

Сцепленье звуков мелодию родит.
Сцепленье мыслей создаёт планеты,
Движение невидимых орбит,
Неведомые зажигая свету.

Зачем из тела вырвана душа?
И, тусклое влача существованье,
Мы отдаляемся от дел призванья,
Пыль прошлого тоскою вороша.

Нам нужно жить. И каждый новый день
Как самый первый, самый непривычный.

Так, следуя законам перемен,
Грядущее мы превратим в обычай.

Нам нет препон. Бессмертия стезя
Протоптана священными следами.
И путеводное немеркнувшее пламя
Там зажжено, тьме яростной грозя.

Как много вырванных страниц
В священной Книге наших Жизней!
Тем ниже падаем мы ниц,
Чем мы упрямей и капризней.

Мы сами пишем быль свою
Слезами, болью и страданьем,
Приуготовившись к кресту
Неутоляемым желаньем.

И что случится — наперёд
Зачем нам знать? Ведь очертанье
Событий ложный свет даёт
В своём пустом очарованье.

Зачем так мучиться судьбой,
Не очищая её сути,
Неиссякаемой мольбой
В душе не оставляя мути?

Года, десятки долгих лет,
Наслаивая жар духовный,

Мы создаём иной портрет,
Святой, тончайший и огромный.

И в тишине, сквозь скрежет зла,
Провозгласив сознания крепость,
Нас Мать Святая возвела
В ранг силы, исцелив нелепость.

Исполнив совести завет,
Сетей злосчастья избегая,
На поколение целый свет
Своей душой опережая,
И твердость мужества храня,
Не попадая в искушенья,
Святая Мать, храни меня
Здесь, на пороге посвященья!

На испытании мира.
В мгновенья мелких колебаний
На них низводит ритм игры
Гармония вселенской тайны.

К слепому голосу замкни
Свой слух, совет спроси у сердца.
Животворящие огни
Определяют иноверца.

Светим мы отражённым светом,
С чужого голоса поём.
Но наше истинное где-то,
Внутри себя, мы создаём.

Неповторимое сознание
Неупорядоченного «я»,
Неоценимость воспитания
Неведомого бытия.

В нас раздвоенность столкновений
Между духовным и земным.
Коса ума, твердь преткновений
Не ощутимы нам самим.

И говорят, что совесть гложет
Иль сердце ноет от тоски.
Кто нам, кроме судьбы, поможет,
Когда седы уже виски?

Что выстроено и что свершилось —
Прибавило душевных сил.
А что ушло и надломилось —
Их путь господь благословил.

Печаль, страдание и утрата —
Печать земного бытия.
Не избавляется богатый
От яда, что несёт змея.

Всё это поиск благодати,
Довольства поиск и добра.
А в этой жизни всё некстати,
Миг обращается во прах.

И лишь минуты вдохновенья,
Молитвы и духовный ток
Дают для жизни воспаренье,
Развития иной виток.

Всегда сейчас, всегда мы в этом.
Не завтра, даже не вчера.
Сейчас нам светят искры света.
Сейчас жизнь оживляет Ра.

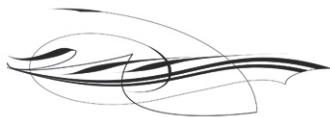
Нет у меня другого ремесла,
Чем песнь слагать, ловя слова живые,
Как лепестки, что ветер лет несёт
Через миры, рождая всё впервые.

Многообразье окружает нас.
Во всём живёт огня неповторимость.
Насыщена сознанием тишина.
Творит миры священная взаимность.

Влекомые тем радостным огнём,
Слова слетаются, как голуби — на крышу.
Я не один. Мы с Музой вдвоём.
Через неё я Голос Неба слышу.

В снегу укрылся старый сад.
Он в ожиданье молчаливом,
Что холода ему простят
Цветенья радостное диво.

Стена молчания пусть окружает нас.
И царство снов утраченной свободы
Вернёт нам лёгкость, как бокал вина
Бодрит сознание в минуту непогоды.

И в небесах откроются семь врат.
И семь лучей пронзят пространство ночи.
Семь труб священных миру возвестят,
Звук исторгая сбывшихся пророчеств.

И каждый луч, затвердевая вмиг,
Незримой лестницы вдруг выстроит ступени.
И в каждый свет, на каждую из них,
Пойдёт за поколеньем поколенья.

Из тёмных красок поднимаясь ввысь,
Всё ярче, всё отчётливей и чище,
Как будто вспышки разноцветных искр,
Покинувшие жизни пепелище.

И где-то там, куда уносит даль,
Цвет радуги сливая в огонь белый,
Стремится душ святая череда,
Сгорая в свете беспредельной веры.

И сердце, возжигаясь горячо,
Собой окутает судьбы истлевший пепел.
Молитва вечная, воспламеняя счёт,
Сожжёт года и слов невнятный лепет.

Взойдём, но свет всё будет нам сиять.
Предела нет блистанию вершины.
Насколько дух наш будет возрастать,
Настолько свет свои отдаст глубины.

Как глубоко мы погрузились
В нерасцветающую ночь!
Дни наши светлые забылись.
Нам некому теперь помочь.

Одна-единственная фраза
Взрывает весь покой души.
И эту боль, и эту разность
Прямым сложеньем не решить.

Иссякло время компромиссов.
Не перестроить, не унять.
От гнева все мы так зависим.
А почему? И не понять.

Ах, самость, яростная самость!
Ни благодарности, ни слов.
Такая пустота осталась,
Где раньше плавилась любовь.

Пустая жизнь не утихает.
Пустое в грохоте живёт.
Душа в страданье замирает
И только вверх, лишь вверх, зовёт.

Ломаем копья; и зазубрин след
Несут мечи; щиты разбиты в клочья.
Не думал я, что мне на склоне лет
Уйти придётся непроглядной ночью.

Нет горя, но и радость не идёт.
В разгул бросаться сердце не пускает.
Придумано так много всех забот.
Тоска от них печалью окружает.

Снимают скальп с ещё живой души.
И раздирают чувства на лохмотья.
Не знаю даже, как мне дальше жить.
Все ополчились моим мыслям против.

Яд истечёт, но язва так болит,
Не заживает, мучит, кровоточит.
Зачем мне поле этих жалких битв?
Зачем пустые эти дни и ночи?

Этот колокол снов,
Эта песня души,
Бесконечный поток
Эпизодов сознания.
Наших жизней земных
Бесконечная ширь,
Бесконечная цепь
Познавания.

Этот ветер видений,
Этот опыта крест,
Ноша судеб и грёз,
Тяжесть слов и поступков.
Ты вдруг умер — и тут же
Мгновенно воскрес,
Совершенный и жалкий,
Могучий и хрупкий.

Эту ниву не сжать.
И к чему это нам?
Драгоценно зерно,
И никчёмны плевелы.
Золотая стена,
И за ней — тишина,
И священная роща
Берегов Урувеллы.

Истекло время мира
За каплею капля.
Год песчинкою канул,
Изжитый до дна.
И плывёт, всё плывёт
Нашей жизни кораблик.
Но ему не доступна
Веков глубина.

Ах, роса наших слов,
Жемчуга и песок,
Драгоценные искры
И пустые пылинки!
Слов, серебряных слов,
Не иссякнет поток,
Что уносит огней
Изжитые льдинки.

Словно праздник огней
Уплывёт по реке.
Чья-то гаснет свеча,
А чья-то сияет.
Как узор бытия
На тёмном холсте

Кто-то тонко и нежно
Огнём вышивает.

Здесь и бисер, и шёлк —
То темно, то светло.
Разложила судьба
Размеренным ритмом
Жемчуга наших жизней
И алмазики слов,
Огранённые сердцем
В бриллианты молитвы.

Ах, где эти листья
На древе судьбы?
Что на них написали
Мы нашим старанием,
Вырываясь из плена
Восторгом мольбы,
Возвращаясь назад
Никчёмным желанием?

И тюрьма наших тел,
Может быть, не тюрьма —
Только дом, где очаг наш,
Где тепло и уютно.
Нежный пламень сердец
И холод ума —
Наших дней лабиринт
И стрела перепутья.

Мы не просим напрасно.
Хлеб насущного свеж.

И признательность есть
В торжественном токе.
Переходим любовью
Тончайший рубеж,
В запредельного света
Взлетая потоке.

Стая звёзд, уносимая
Ветром судьбы.
Ветер времени веет
Событиями духа.
Только следом летит
Жизней прошлая пыль —
Шлейф деяний и мыслей
В форме светлого круга.

Где собираются молитвы
В один великий эгрегор
И нестихающие ритмы
Преображают дней простор,
Срастаются сердца с сердцами
И с небом дух ваш говорит.
Совсем не ложные версали
Слагаются из тех молитв.

В пространствах огненные храмы
Парят, как будто острова.
И все исполненные дхаммы
Вобрали мысли и слова.

Мысль тонет в потоке летящем сознания,
Как искра, что вспыхнет — и жизнь нам осветит.
И поиск живёт распознаения тайны.
Любовью парит вдохновения ветер.

Истекают года за мгновеньем мгновенье.
Истекают из раны открытой судьбы.
Наша жизнь — ручеёк, наша жизнь — сновиденье.
Мы у наших привычек страданья рабы.

Иступленье познавшего — вверх улететь.
Иступленье раба — погружаться в пороки.
Истекают года, и в тела наши смерть
Поселила болезни желаний жестоких.

И из раны страданий отравы течёт.
И взрывается внутрь динамит озлобленья.
Для себя только сам ты станешь врачом,
Раздвигающим занавес в мир вдохновенья.

Не изменяй пристрастиям души,
Когда, сбивая зла гортанный голос,
Поёт в неизмеримейшей тиши
Из сердца глубины высокий соло.

Когда, и восторгаясь, и скорбя,
Прикованный к земным своим обрядам,
Ты в ужасе увидишь сам себя
И мир, что напоён смертельным ядом.

И нет нужды без меры умножать
Пласты исчезающей отравы.
Взлёт лепестков и хрупкий стебель славы
Пытайся избежать,
Где все правы и только мы не правы —
Те, что готовы пламя передать,
Огонь, не терпящий с собой забавы.

И меч свой в ножны дальние не прячь.
Ведь он вручён тебе не в украшеньё.
На нём горят твоей судьбы решенья,
На нём высокий свет воспламенён —
Знакомый знак и поражений, и удач.
Стремящийся к спирали завершения
И знающий всё это, ты не плачь,
Сникая от земного униженья,
И не проси пустого утешенья.

Ты зовом битвы дух свой пробуди.
Ты накали стремленье чистотою.
И в каждом неизведанном пути
Доверь мечу миг тайны и покоя.

И не обманет огненная плоть,
И не смягчит булат острейших лезвий.
Сумей темницу зла преобороть,
Впусти в неё весь дивный свет созвездий.

Любви моей полярная звезда
Оружье мировое даровала.

И меч протянут через миг всегда —
В грядущее из чистого начала.

И меч протянут, словно мост миров,
Вновь раскалён его булат победой —
Один из многих огненных даров,
Мне Беспредельность подарила это.

И лучший дар не заменить ничем,
Его неиссякаемость победы.
Прислушайся — и вовсе он не нем.
Прислушайся — услышь дыханье Веды
В необозримом море мелких тем,
Звнящее безмолвие беседы
С седьмою ипостасью Высших Схем.

Чертёж живого на седьмую часть
Несём мы, воплощая праздность лени.
И оживаем, трудолюбию учась.
И воскресаем в пламенном стремленье.
И утверждаем мировую связь
Везде и всюду на века со всеми,
Где отмеряет и талант, и власть
Единое немеркнущее время.

Звонят февральские снега,
Перелетая через поле
И заметая берега,
Все наши радости и боли.

Растают памяти снега.
Сотрутся мысли и деянья.
Но их последствий никогда
Не зачеркнуть одним желаньем.

Они преследуют тебя.
Они творят твою удачу.
И, ослеплённые, летят
Прочь. Если ты переиначишь
Желанья жизни и себя,
Они не выдержат огня,
Исправятся и в очищенье,
Как струны вины, зазвелят,
Как радость в первый день творенья.

Ты, возожжённый, освети
Неисследимые пустыни.
Все камни прошлого пути
Вложи в открытые святыни,
В основу храма, где отныне
Живёт твой вдохновенный стих.

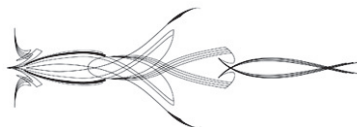
Звелят февральские снега,
Ломяя стебельки полыни,
И замеляют берега
Своей прохладой светло-синей.

Уйдёт и этот знак зимы,
Напомяая о движенье.
Растает снег, и скинем мы
Оковы ради возвращенья.

День ото дня тревожит нас
Неутомимый голос сердца
И каждый миг и каждый час
Нас устремляет в свет взглядеться.

Чтоб ты горел, чтоб ты не гас,
Не предавая незаметно
Тот неисполненный приказ,
Что видишь в каждой искре света,
В звучанье вод, в сиянье глаз.
Песнь радости ещё не спета.
В грядущем — счастья звёздный час.

Как нелегко определить
Реальность в плане очевидном!
В таком разъяренно-обидном
Звук тонких слов не различить.

Не различить высокий свет,
И стражей, и пажей, и свиту,
И все пласты сгоревших лет,
Пламена жизнью пережитых.

Как нелегко узреть себя
Сквозь автоматику притворства!
Какая лживость и позёрство
С неиссякаемым упорством
Овладевают, нас губя!
И лишь золы смердящей горстка
Зовётся сердцем бытия.

Гори, мой брат, но не сгорай,
От гневных слов перегорая.
Не затмевает правды майя,
Какая б ни была игра.

Гори, мой брат, гори, страдай,
Земную тяжесть испытую.
Растёт внутри тебя звезда,
Капканы зла легко минуя.

Ибо дела твои чисты
И мысли бескорыстно-светлы.
Но только в тайне красоты
Твои движенья незаметны.

Ещё слаба твоя рука,
Но меч уже откован крепкий.
И око верного стрелка
Внимательно, остро и метко.

Движенье толп — сквозь волны снов,
В зигзагах поиска пустого.
Как цепи оборвать оков?
Как оценить достойно слово?

Чтоб вес его был наравне
С деяньем пламенным и веским,

Чтоб зримости обтаял снег
И обнажил, что неизвестным
В великом рождено огне.

И устремленье крыл любви
Несёт тебя к звезде желаний.
Нет в мире встреч и расставаний.
Есть бесконечное: «Живи!»

Песня синицы уже пропета,
Песня синицы на старой листвянке.
Выйди из дому ты спозаранку,
Чтоб встретить дивную весну света.

Когда весь мир серебряной чашей
Наполнен до края огненным светом,
Песня синицы уже пропета,
Омыли лучи берёзы в чаще.

Омыли лучи и капли первые
Пушинки кудрявые, берестовые.
Весна приходит новая, новая,
Сбивая пену отчаянья серую.

Ветры уходят стремительно, смело.
И прям их путь — стрелой в поднебесье.
Ветра язык — бодрая песня.
Свобода — его мировое дело.

Остерегись неосторожных слов.
Они как нити, что сплетают повод кармы.
Призвавший рёв и раздраженье свары
Незнанья полон времени основ.

Вихрь времени сметёт остатки боли,
Осколки слов, что ранили тебя.
Будь молчалив и до конца спокоен
И говори, достоинство храня.

И помни правило из Свода Золотого:
«Не причиняй живому зла ничем».
Ведь вдохновляет и смертельно ранит слово.
Молчащий не бывает вовсе нем.

Напитывая радостью пространство,
Ткань Матери узором расшивай.
Ты звёзды духа в небе зажигай,
Дерзая приобщиться к Тайне Братства.

Не загаси пути пламён поток,
Что издавна предрёк тебе пророк.

Мороз выводит времени узор.
Пыль звёзд летит на темя дальних гор.
Прикосновение — и умрёт мгновение,
Как вспыхнувший в пространстве метеор.

Но наши мысли, покидая мир,
Уходят, оставляя светосимвол.
Иль безобразный, или же красивый,
Он служит делу иль безделию земли.

Мы связь миров. Мы чуткий аппарат
Тончайших нервов на планетном теле.
Сознательно принявшие фохат,
С вулканами землетрясения делим.

От тёмных мыслей недр огонь шумит,
Чтобы гармонию уравновесить.
От светлых мыслей огонь небес парит
И раздвигает занавес чудесный,
Что приближает зов святой зари.

Помыслите прозрачно и легко,
Что вы к миростроению причастны.
Ведь это же невиданное счастье —
Стать сотворцами пламенных веков.

Я отягчён вселенскою бедой,
Отравой незаслуженной презренья,
Что тенью злою ходит вслед за мной,
Лишая чувства, сил и вдохновенья.

Лишая взлёта к Вышнему Огню,
Лишая творчества и крыльев беспределья,
Склоняя к изощрённому безделью,
Где мыслей нет, лишь пустота одна.

Но погоди, испивший кубок зла!
Я огненным бальзамом вдохновенья
Зажгу до чистоты твои дела,
Дела, что посылает Шамбала
Для вечности, для вечного нетленья.

И огонь священный сердце воскресит.
Боязнь души умрёт от света тайны.
Что заповедано мне ныне совершить,
Я совершу, как солнце, рассветая.

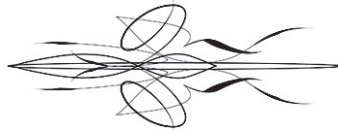
В бутоне дел проглянет пусть звезда —
Та, что в тебе не гасла никогда.

Когда молчит уставшая молва,
Не думай, что исчерпан сплетен поиск.
Их иссушающие темнотой слова
Шлифуют добела твой светлый пояс.

Но боль атак, и мука бытия,
И понимание труда земного
Несоразмерны с желчью полным словом,
В котором — часть растраченная «Я».

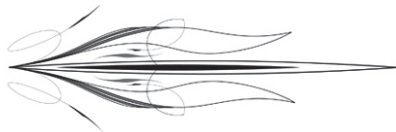
Твоей души неповторимый слог —
Одна из нитей мировых дорог.
Побереги сокровище словес.
Ведь в многословии ничтожность есть.

Морозный свет поднявшегося солнца.
Дыхание неведомой звезды.
Лучей неуловимые сады,
Растущие в космических колодцах.

О праздник света! О весна миров!
Где яблоки планет — из неба зреют ветви.
Как ласков взгляд садовника и как суров,
Когда ты чахнувшим листом летишь в незнания степи!

Цвети, мой брат, цвети и зеленой!
На крыльях сердца, счастьем сотворённых,
Чтоб вырастить сады среди живых степей,
Где древо знания раскрывает кроны.

О, совершись! О, совершись
Неизгладимое мгновенье,
Что целиком меняет жизнь,
Мир наполняя вдохновеньем!

Ты утоли свою печаль
В священных родниках познания,
Чтоб раскроить концом меча
Невозносящие желанья.

Не покориться я зову
Мой дух бунтующе-мятежный.
Зову объять миров безбрежность,
В которой я всегда живу.

Реален космос для меня,
Как травы и снега земные.
Но за вершинами огня
Встают видения иные.

Возжаждавший идёт туда,
Где быть совсем не безопасно.
Но быть хоть миг там — это счастье,
Сверкающее сквозь года.

Определённость красоты
И новые мерила света.
Но как бессмертие постичь
Из бездны этой?

Как приобщится к тайне тайн,
Всё больших истин возжелая?
О, как ты высока, мечта!
О, как ты широко летаешь!

По нити огненной судьбы
Нам суждено в простор подняться,
Земную отряхая пыль,
Чтоб подойти к Воротам Братства.

Над Чунг огни раскалены, как горы,
До высшего регистра напряженья.
Над Чунг рубиновое знамя Орифламмы —
Грядущей Юги полыхающее слово,
Тончайшие по тону переливы
Сияния, что с северными схоже.

Смыкается дыхание миров,
Дрожит струна воскреснувшего духа —
Прозрачно и почти безмолвно
Мелодию тончайшую выводит,
Мелодию звучаний совершенства,
Которая мгновенно озарила
Открывшееся сердце.

Здесь сердца огонь
С космическим огнём
Сливается, собой рождая
Незабываемую тайну радости,
Что открывает полог красоты,
Что добротворчеству даёт пути.

И знает кто, что радость человека?
А, может быть, она
Рождает целое созвездье неба
Иль солнца дальние
В пространствах зажигает.
И наверху, в мирах пламенно-ясных,
Цветёт как сад розовооких Таинств.

Сверкает Меч Луча из Башни Чунг.
Сияет Чунг сама,
Как меч алмазный,
Ибо сегодня в лотосовом зале
Великих Гуру созван срочный сбор.
И каждый из Вождей оставил
Свои сияющие Башни
На окончаньях Махаваджры мировой
И в центр пришёл,
В великое сосредоточье знания.

Они образовали первый круг
Вокруг Учителя, что в центре находился, —
Лицом к Владыке. А за ними
Сомкнулся круг учеников ближайших,
Которых было по числу созвездий Зодиака.

Гонг зазвучал вослед сигналам световым,
Настраивая ауру лучей на общий лад,
На синтез единого духовного огня,

Что их соединил, возжѣг, направил
И устремил к Вершинам Постиженья,
К Алмазу, что под куполом висел,
К Великому Всевидящему Оку,
В котором гудели вспышки световой волны.
И сфер звучанье извещало
О том, что сердце Радж-Стара
Сегодня, в праздник Мирового Единенья,
Свои Великие Врата Раскрыло —
Свои сияющие Царские Врата,
В которых проливает вечность АУМ.

Алмаз сверкал, и Огненное Солнце
Всѣ приближалось к зрению Вождей.
И видели Они Вождей других —
Держателей Планет в Короне Солнца.
И Тех, которые за третью чертой
Свой труд неиссякаемый несут.

Вся огненная мощь Вселенной этой
Своѣ соединила духозренье.
И Лик Вождя открылся, начиная с глаз,
Потом со лба, сияющего Знаком
Высокой Тайны, следом и всё лицо,
Прекрасное и невыносимо чистое
Для сердца учеников.
Но Вожди укрыли
Их внезапно вспыхнувшие центры
Пластинами, что охладили их и охранили.

Вначале вспыхнул светосимвол Розы,
Которая раскрыла лепестки семи цветов,
Раскрыв внутри свет белый,
Ослепительно-поющий.
Но потом, переводя на человечесью речь,

Запел, заговорил высокий голос:
«Мир Вам, Воители! И Сердца Моего огонь
Да ниспошлёт Вам Дар Любви Моей,
Дар Огненного Лотоса Познания!
Владыка Мировой Вершины
Прибыл к нам, чтобы решить
Задачу истекающего срока
И назначенья точного начала
Земного поворота Колеса!»

Сердце горели дивные костры.
То вспыхивали вмиг, то угасали
Какие-то невиданно-красивые узоры
Замысловатых знаков.
И тысячи сверкающих оттенков
Сияли, и лучились, и росли
Внутри рубиновых или лиловых сфер,
Меня светозарное движенье,
Что множеством неисчислимых раз
Мгновения экстаза наполняло.
То Дух творил — соединённый Дух.

И Стражи Совершенного Квадрата,
Великие Архангелы Огня,
Несли охрану Мировых Вождей.
И Кубок Тайны Тайн, в котором
Грядущее узреть мог только Тот,
Неизреченный и Неисследимый, —
И Кубок тот, где огненным рубином
Сверкало неиспитое вино,
Хранил святую кровь грядущих поколений,
Святые семена Вселенной,
Которые должны прийти
На смену Вселенной этой.
Точно так же, как сердце наше

Хранит в зачатке миллиарды
Грядущих состояний, в которых
Будем жить, не умирая,
Но подходя всё ближе
К великому святилищу огня.
Но говорится, что в Свет войдѣшь,
Но не коснешься пламени,
Ибо бесконечны пути
Духовного, живого продвиженья.
И бесконечен путь
Для странствий духа.

Владыка молвил: «Я хочу дать слово
Тому из нас, кто издали пришѣл,
Кто совершил неисследимый путь из света жизни,
С тех звѣзд, где средоточье знаний,
Откуда некогда Великий Путник прибыл.
Тогда ведь тоже Колесо Закона
Ещё раз повернулось к Свету.
Теперь да будет мир в распахнутых сердцах!
В седьмых звучаньях Вечный говорит!»

Зажглись светила над земною башней.
И перед каждым вместо стен
Возникли очертания миров,
Которые ещё недавно запрещалось упоминать.
Они существовали
За гранью всех Держателей Вселенной.
Но и оттуда связи нить
Текла к Великому Владыке Радж-Стара.

Звезда, что в поясе светилась Ориона,
Открылась, взрываясь символами духа.
В каналах мысли, в Огненных Мостах,
Пulsировала мировая кровь

Пламен творящих и энергия полёта.
Вибрации для двигателя жизни
Звенели, наполняя до краёв
Архангелов Сияющую Чашу.
И вместе с тем Параfoxатом
Несли невидимые искры душ,
Что вслед за Путником Великим
Уже нашли пристанище себе
На складках коры Планеты Снов,
На поле испытаний,
Чтоб выстрадать свой путь,
Чтоб вознести очищенные души
К Великим Храмам мирового совершенства
И чтоб помочь забывшим Беспредельность
Её ещё раз заново открыть,
Чтоб навсегда туда, в неё, вернуться.

Звучание седьмых колоколов коснулось слуха.
Свет и Чистота, наполненные ароматом праны,
Несли на крыльях образы известий,
Которые, о сердце ударяясь, туда входили
Переведёнными на тихие и тайные слова:
«О Братья! Вы несёте трудный мир —
Один из тех, который лишь песчинка
Под ободом Галактики Огня.
Но в череде всенаполнения живым
Вы первой истины несёте испытанье
Средь горьких волн миров несовершенства.
И потому так ценен труд Ваш, за который
Каждый из Вас уже давно достоин
Ухода из этого Кольца Страданий.
Вы Воины Великой Эволюции.
Вы Блага Совершенные Вожди.
Стремитесь к Нам, за пелену незнания,
За высшие пределы Великих «Я»!

И знайте, что в Вас Создателем заложено
И то зерно, в котором Мы живём,
Что Солнце Тайны не устанет изливать
Вам щедрость Благодати Совершенства.
Ищите средь людей
Тех преданных и искренних в любви,
С сердцами бескорыстного служенья,
Которые без него не могут жить.
Найдите, чтоб из них готовить
Грядущего Святых Учеников.
Ведь заповедь Учителей гласит:
Найдя себе достойную замену,
Ты можешь пост Владыки покидать.
Но покидать во имя продвиженья,
Сохраняя связь флюидическую
С местом предстояния.
И среди Вас — за Гуру Миров —
Сидит один из учеников, что близок Мне.
Он часть Моей судьбы,
Что послана в глубины бытия.
Недавно Я говорил с ним в Озере Священном.
И теперь он тот из Вас,
Который примет эстафету
Вслед за Великой Матерью Пламён.
И, в Шамбале пройдя все посвященья,
Вернётся в мир, чтобы нести заданье,
Ради которого он здесь и воплощён».

Размеренно, торжественно и мощно
Звучали сокровенные слова.
И радуга над башнею стояла,
Что в верхней части огненной дуги
В космические дали уходила.
И ухо тёмных,
Нацеленное на оплот духовный,

Пыталось смысл общений уловить.
Но, получая страшные ожоги
От приближенья к Мировой Твердыне,
Отброшенные, гневные и злые,
Посредников искали, чтоб пройти
Или услышать хотя бы слово
Совершенной Тайны.
Через животных, через птиц старались
Узнать смысл сбора, чтоб обезобразить
Стремленье возрастающего Блага.
Но умолкали грозные вулканы.
Земля молчала от вибраций высших —
По мановенью магов не тряслась.
Бессильно тьма накапливала козни,
Готова для идущих западни —
В силу природы, призванной вредить.

Вторгались молниями тихие слова.
Гудел магнит сверкающего Грааля,
Который звался Камнем Благодати.
И из него был сложен
Зал Высоких Посвящений.

И Владыка мне сказал:
«Встань в центр зала.
И пусть великий фокус
Всевидящего Ока
Наполнит дух твой
Новою Судьбой.

Ты слышишь,
Льётся огненный поток.
Ты чувствуешь,
Как обжигают суть твою
Пламёна знания.

Космические руды оживают.
Они те отложения Великой Мощи,
Которая способная создать
Миры неведомой красы
И населить их новыми,
Доселе невиданными,
Существами Мудрости.
Они, те Высочайшие, и будут
Прообразами грядущих человеков.
И они да станут
Огненными наставниками тайны
Когда-нибудь в грядущем!
Но пока их ток уже течёт,
Перерождая души у духовно
Расположенных людей.
Растёт зерно высокого прозренья.
И пусть хотя бы колос
Родится за столетья многие
На духовной ниве
Распаханной земли —
Это удачей будет,
Ибо не нарушит связь
Преемников Великого Огня
Среди земных людей.

В Россию новую приходит народ,
Который испытал уже
Взлёт и падение своей истории.
Он был трудолюбив,
Духовен и талантлив
Под водительством
Владыки Трисмегиста.
Он нёс святое знание
Из Храмов Тайны
Матери Великой Атлантиды.

Сосуды времени наполнены судьбой.
И кое приготовишь ты священное вино,
Искрящееся огненной сутью,
Так и пойдёт твой путь,
Нацеленный в познание.
Сбрось кандалы
Привязанности мнимой к вещам.
И золоту оставь лишь сострадание.
И времени несбывшиеся миги
Спиралью вокруг тебя оборотятся.
И бесконечно будут беспокоить
Твой дух, пока ты не наполнишь
Те миги вибрациями Света и Любви.

Приходит огненная Эра Водолея.
Извечной тайной окутана судьба
Ведущего той эры,
Который на два тысячелетия
Возглавит путь.
Он скоро в мир придёт.
Когда две огненные звезды,
Стоящие в темени земного небосвода,
Сойдутся с другом друг,
Миг противостоянья
Определит рождение Его.
Звезда Его отцов
Невиданно приблизится к планете
И глобус тот расплавит,
Что давно уже сгорел и сцементировал
Пространство империлом.

Судьба зовёт и изменяет знаки.
И символ сущности
Как тайная печать

На лбу горит.
И излучение оплечий
Как зародыш крыльев космических
Сияет над плечами.
Сгущает аура неимоверный свет.
Пластами отлагаются свеченья знаний,
Которые ты накопил
За все пятьсот тысячелетий пути земного.
Три белые луча, в один сливаясь,
Ведут неумирающую сущность.
И голоса Духовного Вождя
Улавливает тонкий ясновслух.
И чакра времени вращается быстрее.
И зеркало Его окутавшей спирали
Тебя неуловимым делает и тайным.
И тридцать тысяч дней,
Отмеренных на человечесью жизнь,
Продлиться могут или сократиться.

Возможности придут —
Сумей их распознать
В ментальном хаосе всех будущих желаний:
Обогатиться, стать владельцем блага,
К которому ещё не подготовлен,
Которое ещё не заслужил.
Возможности придут —
И состоится всё, что означено
И что прошло сквозь врата
Сбывающихся мыслей и желаний.

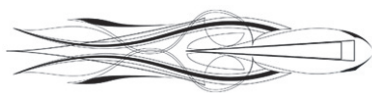
И надлежит тебе, как некогда волхвам,
Принять и встретить Светлого Младенца,
Ибо испокон ты принимал
И в храм вносил Младенца.
И так будет длиться бесконечно.

И каждый раз на смене эр и рас
Ты будешь находить и благословлять того,
Кто Вечный Искупитель.
В России он родится, и поныне
Носящей красный цвет своей судьбы.
Он тоже будет в красном,
Источающем любовь.
И знак звезды
И здесь да будет на Его ладони.
Молитву повторяй безмолвную,
Что только током сердца достигает высь.
Энергия молитвы да освятит и закроет тебя
Щитом Серебряным Моим», —
Владыка молвил.

Огненно сиял над Ним
Поток Владыки Радж-Стара.
И белизна чалмы серебряного шёлка
Оттеняла сияющие синие глаза
И смуглое лицо, что было обрамлено
Спадающими волнистыми кудрями
И чёрной бородой.
Красивый длинный нос
Был прям и строг.
Волна Параfoxата
Струилась радужными стрелами
От дыхания Его.
И от биенья Сердца Владыки
Лился свет.
И аромат,
Что розовое масло,
Всю высокую фигуру наполнял.
И золотисто-белый цвет
Слепил глаза.
И в Ауре Его, казалось,

Расплавлялись даже камни.
Волна любви лилась рубиноцветно
Из сердца к нам
И в призматических священных зеркалах,
Преломляясь, усиливалась и посылалась
Семью неугасимыми лучами.
И Светлые Великие Владыки,
Что были некогда его учениками,
А ныне были Махагуру,
С Ним во главе —
В биении единого Веленья Духа —
Без конца в пространство источали
Стрелы Блага — священные и мощные Лучи
Любви и Сострадания,
Что помощью лились и одобреньем,
Его надеждою и вдохновеньем,
Желаньем устремить к чистоте и знанью.

И что б была Земля без этого Водителя?
Лишь хлеба обронённого ломоть
Под ноги пресыщённого безумца.

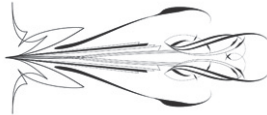

Зовёт, зовёт серебряная высь
Звучанием колоколов небесным.
И необъятней стала наша жизнь,
Ей даже во Вселенной этой тесно.

И беспредельной стала жажда дел —
Сопричащенье мировой работе.
Разъят навек пугающий предел,
Заложенный в несовершенной плоти.

Горят слова. Их пламенная суть
Неоспорима, как наказ свершенья.
И как прекрасен бесконечный путь
К неизмеримо новым достижениям!

И как прекрасен лотос красоты,
Что сердцу распускается навстречу!
Листает время прошлого листы.
И в каждой букве — прожитая вечность.

Жар солнца и холод луны,
Дыхание звёздного света
И ароматы раскрытых цветов
Грядущего строят планеты.

Всех мысленных вихрей огонь,
Всех чувств сообщённых лавина
Врываются в явь и сон
Настойчивей грозного джина.

Но духа антенны строги.
Их космоса луч не минует.
И самые злые враги
Судьбу не проложат иную.

Их мысль, чувство их и дела —
Служенье огню состраданья,
Чтобы Земля обрела
Духовного света желанье.

Чтоб смолкла волна серых снов,
Чтоб сущности круга седьмого
В астральное наше окно
Шептали священное слово.

Что человек в узоре мировом?
Всего лишь искра в радуге изгиба.
Всего лишь всплеск в свеченье световом
И в океане беспредельном рыба.

Несётся всё в потоке бытия,
В клокочущем величии движенья.
И мысль раздроблена на много «Я»,
Энергию собирая обращенья.

Она сплавляет мировой узор.
Она скрепляет нити звёздной ткани.
И, духа расширяя кругозор,
Вращеньем звёзд рисует Чинтамани.

Нам проникает в душу
Мыслям наперекор
В сердце крылатом уснувший
Огненный разговор.

Словно вызрело что-то
В тайном моём саду.
Это радости лотос
Вынянчил в сердце звезду.

Перебивая будней
Неумолкающий вопль,
Пламенноокое: «Будет!» —
Входит в сознание толп.

Солнечное прозреньё
Озаряет глаза.
Истины духозреньё
Не отвратится назад.

Вечность моя неиспитая,
Мой беспредельный путь!
Не твоими ль молитвами
В души слова текут?

И не твои ли зовы
Манят к дальним мирам?
Тайны твоей бирюзовой
Я никому не отдам.

Я никому не выдам
Праведный, тонкий смысл,
Покуда зерно обиды
Не сбросит людская мысль.

Покуда доброю радостью
Не пропитается храм,
То, что открыто сказано,
Понять будет трудно вам.

Имеющий уши слушай.
Имеющий очи смотри.
Нам проникает в душу
Голос живой зари.

Поют голубые звёзды.
Сапфирные их голоса
Не ощутимы, как воздух,
Прозрачны, как небеса.

Гармонии дивные токи
Находят к сердцу пути.
Будто до звёзд далёких
Оно лишь мгновенье летит.

И нет ни пространств, ни времени.
Всё свито в сияющий миг.
Вселенная в огненном семени
Творит грядущего мир.

Рождаются чудные образы
Планет и прекрасных существ.
И нет той бездонной пропасти,
Оторванности от небес.

В едином порыве слито
Всё лучшее в замысел тот.
Космический пламенный слиток
Поющее сердце несёт.

Где смыкается голос высокой звезды
С тихим шёпотом сердца, что в сумерках тает,
Фимиама тончайшего розовый дым
Форму знаков в пространстве ночном обретает.

Света пишется знание сиянием искр,
Что сплавляются вместе в луч духовного ока.
Собирается мысль, уплотняется мысль,
Превращаясь в рубин на исходе истекшего срока.

Собирается мысль, окликая частицы свои,
Из бездонного света неизмеримейших далей.
Словно кольца сжимаются огненноцветной змеи,
Словно в круг собираются складки шёлковой шали.

Собирается мысль, синтезируя токи миров.
Токи прошлых тебя с током будущих воплощений.
И семёркой священной вращается огненный зов,
Расширяя пределы священных вращений.

Озарённая правда и вечная новизна
Всё настойчивей входят в насущность земного
сознания.

Наступает весна, неистекшая духа весна,
Что, как снег, растопила высокие тайны.

В звёздном дожде каждая капля
Несёт Твой Облик, Владыка!
В травах, чей звон наполняет осенний вечер,
Росинка поёт о Тебе, о Великий Владыка!
Дым возносящийся благоуханного аромата
Пишет Имя Твоё в пространстве
И, вчekanивая Образ в него,
Словно в голубую ткань серебра —
Твой, о Владыка! —
Грозной тайной Непостижимого Гуру,
Что ускользает, является мне
Наполненным звёздами неба.
Словно во мне отыскав духа клавиатуру,
Играет совершенно, с гармонией
Обвенчав на мгновенье грозный пламень,
Что извергается из зева вечности.

О расплавляющий неудержимое время!
Столпы вселенной тают,
Будто из воска свечи,
Перед Тобой, Махакала,
Стоящим над нами всеми.
Тебя страшатся круги бесчисленных миров,
Которые Ты вращаешь газовым шарфом
Вокруг руки Своей левой.

О Огнь Треокий!
О истекающей правды Зов!
О духовная тайна мирового Стража!
На дереве неба, невидимые, шелестят листья.

И каждая плоть листа в прожилках глубоких
Нянчит звёзды светящиеся,
Как чьи-то гигантские мысли —
Мысли о своей насущной задаче.

О зеркало туманов
И звёздных туманностей таинство!
Мчащийся шар, подчинённый Единому,
Задавшему всему свою задачу.
Кто идёт серединой,
Кто бросается в полнос крайностей
В поиске смысла бытия.
О невиданной жизни удача!
Упреждается всё,
Сочетая энергий цветы
В неразлучный букет,
Источающий знания блаженство.
Всё сбывается.
И нет между ними черты,
Отделяющей от совершенства.

Ещё не открылся родник моей юности,
Что мать из начала во мне заложила.
В сказаньях её — златоносная жила
И кладезь народной безвременной мудрости.

Когда-то слова мне казались цветами.
И образов ярких венки расцветали.
Сплетались венки, появлялись и гасли,
Как будто её отзвучавшие сказки.

Таинственен мир осознания и жизни,
Когда помнил ты, что всё в мире огромно,
И окна, глядящие в глубь наших комнат,
И первый общественный телевизор.

Совсем невзначай, без особой причины,
Вдруг вспыхнет мгновенья забытая память.
И заново снежная дымка туманит
Особое маленькое постиженье.

На ветке, как птица, сидел я нахохлившись.
Над самым обрывом, размытым ручьями.
И Северка тихо бежала в черёмуху,
В сплетённые заросли с омутами.

И вниз с берегов ежевика сползала,
Висела, качаясь, над самой водою.
И сизая ягода в росах сверкала,
И никому она в рот не попала,
Склонившись под самое крутогорье.

Дожди отступали и вновь наплывали,
Звенели таинственно в старых берёзах.
И матери сказки опять оживали,
Что слушал без роздыха, хоть было поздно.

А ночь бушевала, сминая молчанье
И с крыши срывая солому сырую.
И тот мой родник, что течёт изначала,
В себе я ищу, потому что я чую.

Я чую биенье студёных просторов.
Я чую малиновый шорох весенний.
Впиталось в меня много снов испоконных
Из давней живой мировой карусели.

И реки мелели, и таяли горы,
Поля зарастали, леса оголялись.
Всё скоро меняется и так не скоро.
Но духа сказителя не тронута завязь.

И хочется петь витиевато,
Вбирая в себя ароматы лесные.
Не трогать того лишь, что истинно свято
Для каждого сердца, для целой России.

Не трогать того лишь, что больно царапает
Тончайшую душу живого народа.
Так петь, чтобы очи грустящие плакали,
Как будто ты узника вёл на свободу.

О жар бытия! О священная жажда!
Дай мне вдохновенье и тайную силу
Творить красоту, и совсем не однажды —
На вечные миги чтоб вдоха хватило!

Чтоб творчество жгло непробудную темень,
Взывая уснувших к трудам неотложным.
Чтоб самое ценное, всего что дороже,
Раскрыло в тебе сокровенное время.

И, жизнью напившись из чаши полынной,
Чтоб знал ты и знанье, и свет постиженья.
О, как не хватает нам мощи былинной!
Орлиного нет в наших взмахах паренья.

Но, может быть статья, за нитью прядущейся
Мы мягкими пальцами самосознания
Найдём в себе истину сердца бодрящую,
Такое нам нужное материнское знание.

И стыдно не знать испоконное русское.
И стыдно бояться былинного слога.
Ведь это поёт очищающей грустью
Земная дорога.

У серых дождей изначальная грусть.
От лунного света, что матово-бледен,
Серебряной тканью окутана Русь
Пред битвою трудной, пред боем последним.

Хоть сроки всех битв давно истекли,
Хоть пламя побед озарило нам очи,
Но в твёрдую поступь священной земли
Врываются вихри высоких пророчеств.

И много ещё неисполненных дел.
И много духовных тягчайших усилий
Потребуется новый планетный предел,
Чтоб смог его каждый без страха осилить.

И шепчется дождь, изливая печаль.
Но огненно-чиста нить светлой дороги —
Туда, что зовётся Твердыней Меча,
Туда, где Учитель наш, нежный и строгий.

Крыльями сердца своего
Обниму Тебя, мой Учитель!
Торжественной мудростью омою
Ноги Твои, мой Учитель!
И да будет благословенно то знание,
Которое Ты постигаешь ныне!
Ибо оно — новая ступень пути планеты.

Любовь не ослепляла никого.
Любовь, лишь возвышая, находила
В тебе дотоль невиданные силы
Всё лучшее из сердца источать.

Всё лучшее, на что способен только,
Что может легкокрылая душа
Отдать рукам, глазам, всему земному,
Всему, чем поделиться ты решал.

О облако волшебных снов любви!
Воистину, любить другого — благо.
Ведь в ней ты забываешь о себе.
И самасть не живёт в твоём мозгу,
Но только та звезда, что нас манит.
И так сладка мучительная боль.

Сказания вечного духа
Диктует Твой Огненный Взор.
И лишь напряжённое ухо
Уловит пламён разговор.

Прошедший земною дорогой
От самых извечных начал,
Как много, как много, как много
Ты здесь, Совершенный, страдал!

Касаясь людского сознания,
Что полудремотно брело,
Которое искорку знания,
И то, до конца не брало.

Рубиновый огонь пламенеет.
И мощь нагнетает магнит.
Владыка, Великий Майтрейя,
На эту долину глядит.

Для дел, что грядущим дарованы,
Для правды высоких основ
Величественный Звени-город
Небесная строит любовь.

Уж чаша пылает огнями.
Уже различимы слова.
Бессмертное светится пламя,
В котором вся мудрость жива.

Бушуют творения грозы.
Взрываются света шары.
И разум сквозь пламенный воздух
Подносит познания дары.

И Чаша, открыв своё око,
Находит их зоркостью сил.
Огонь всеначального тока
Неведенья тьму осветил.

Сеть дивных энергий Владыки
Укрыла до срока Ашрам.
Но ты, моё сердце, не сникнешь,
Везде сотворишь себе храм.

Ведь каждая капля творенья
Священна и высока.
Имеющий дар озаренья
Огонь видит в бутоне цветка.

Восторг, обними мою Чашу,
Крылатым вмиг сделай её!
На поле заоблачном пашет
Плуга её лезвиё.

Но плуг в звонкий меч обратится,
Лишь битвы услышишь трубу.
Лети, огнекрылая птица,
С семёркой, скрещённой на лбу.

Лети, обвевая дыханьем
Неведомые пути.
И знания ожиданье
В пространство не бойся нести.

Из сердца недр растёт познания кедр.
Из сердца недр глас вечности исходит.
И знание рождает новый спектр
И истину в высокий ранг возводит.

Слишком много грядущего,
Чтобы в прошлом тонуть.
Но по тропам минувшего
Совершается путь.

Но по тропам неведомым,
Что уже ты прошёл,
Раз проходим последний,
Закрывая свой счёт.

Огонь к земле прижимается.
Огонь пространства высок.
Нагнетают спирали
Серебряный ток.

И скрепляется твердь —
К спирали спираль.
Словно огненный город,
Становится даль.

Светом станет пространство.
В благодати Алмаз —

Посылаемый Братством
Всеведенья Глаз.

Низводи свою тайну
До чистых сердец.
Пусть в тебе обитает
Великий Отец.

Пусть вырастает грядущее
В планетный цветок.
Ведь по тропам минувшего
Кармы движется ток.

Но прекрасного завязь
В тебе глубока.
Пусть же жизнью правит
Огнезнанья река.

Исчезают мгновенья,
Как капли — в реке.
Продолжает движенье
Росинка в руке.

Так и в неба ладони
Стремится земля.
В зримом сне испарится,
Добела испарится,
Добела раскалится,
Как пламёна-поля.

При утреннем свете
Пишу сокровенное слово.
При утреннем свете,
Разбуженная красотой,
Творит моя мысль,
Облекаясь в созданья покровом,
Входя, словно солнце,
В земную высокую жизнь.

«Тайна ль моя совершается...»

А. Блок

Как предвестие преображенья,
Как мгновенная мысль,
Что окрасила землю полётом духовным,
Непостижно творчества совершенье.
Ветхие обрывая покровы,
Совершается таинство взаимочувствий.
Совершается тайна рождения слов.
Отливает великое пламя искусства
Новый колокол, новый пространственный зов.
Совершается тайна!

Качаются лиственниц платья,
Заснеженные луною.
На белой вершине плачет
За камнем ветер со мною.

На белой вершине — тайна
Загадочного виденья.
Огнём голубым освещает
Невидимые ступени.

Невидимые, как кудри,
Незримого тонкого лика.
Свет приходящего утра
Похолодел от крика.

Плачет вершина, плачет
Жалобною свирелью.
Огонь по вершинам скачет
Неповторимой трелью.

Тонкой канвой узора
Наполняется пространство.
Ткёт серебряное кружево
Неустанная рука.
И в движениях незримых —
Красота и постоянство.

Из луча звенящей нити
Пишется судьбы строка.

Отцветшей розы тусклые глаза
Остановились огненной слезинкой.
Но аромат, пахучий, как гроза,
Свеж, словно пахнет чистой горной льдинкой.

Но безысходности в зрачках тех нет.
В них затаённый предвечерний свет.

Свет исходит из сердца,
Освещая тропу.
Свет исходит от старца,
Сидящего выше.
Кто восстал?
Или, может быть,
Сказочный Риши
Снизошёл,
Чтоб стенанья земные услышать
И наставить на огненный путь?

Нет, простой человек,
Что был мной и тобою,
Что ходил по земле
И мешался с толпою,
Что растил сад любви

И, детей своих нянча,
То скорбел, то смеялся,
Забывая удачу.
И однажды,
В лесу заблудившись глухом,
Он подумал,
Что всюду для путника дом.
Лучше в чаще блуждать,
Чем в лесу человечьем.
И пронзила его
Огнеокая вечность.
И из сердца потёк
Ручеёк благодати.
И звезда засверкала,
Словно чистая Свати.

И далёкие отблески
Отражались на камнях,
Запотевших холодной росой.
Облака розовели
Над его совершенным покоем.
Засияла гора
От его светозарного дара.
И возник в его сердце
Сияющий Хара.

Мелодичные звоны поют.
Ароматы плывут неземные.
То великое сердце добра
Отдаёт плоды золотые.

И звенит тишина.
И поют просветлённые выси.
Огневое пространство
В языках сияет над ними.

И скажи он горе:
«Благодатная, сдвинься!»
И послушно она, как слониха,
Шагнёт в ароматнейший дым.

Открой своё невидящее око.
Ведь пламя — у порога.

Ведь у порога мощи мировой —
Чистейшие и огненные токи.
Ведь у порога — ритм труда живой
И радостью напитанные строки.

Лучей луны зеркальное стекло
Назад мои все мысли возвращает
И холодно, насмешливо вещает:
«Уймись, утихни!» — будто мне назло.

Танцует ветер в глубине ночи,
Серебряные нити обрывая.
И, песню взлёта в мощный рёв свивая,
Порывами неистово кричит.

Как будто тайной целью задался
Быть всеуслышанным и всепонятым.

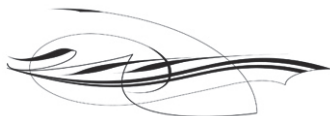

Но свет луны скользит. Мне неприятно,
Когда огни уснувшие грустят.

Нет, к зеркалу как будто бы приставлен.
И почему я должен выжидать
Мгновенья, когда в небе скрипнут ставни
И мне окно своё откроет мать?

В живом пространстве шёпот, стон, и песнь,
И повесть, и трагедия, и тайна.
В живом пространстве зёрна света есть,
В которых творчество наивно прорастает.

Но зеркала раскрывшейся луны —
Лишь по ту сторону они ценны.

О, не мучь меня творчество
Пустословьем, не мучь!
У стихов и пророчества
Един корень и ключ.

У стихов — звон клинков.
У пророчеств — гул огненный.
У стихов — тайный зов.
У пророчеств — гимн солнечный.

Над земной суетой,
Где забыта духовность,
Засияла звездой
Планетарная совесть.

Жаром огненной сферы
Разжигая сердца,
Сквозь слои атмосферы
Рвётся к нам чувство-царь.

Но коричневый пояс
Твёрже древних вершин.
Только искоркой совесть
Сходит в тайны души.

Только искоркой тлеет,
Пламенея в груди.
Но виденье Майтрейи
Уже впереди.

Новых слов осознание,
И иные пути,
И высокое знание
Уже впереди.

Расплавляя оковы,
Прожигает астрал.
Духовное слово —
Лишь пророчеств сигнал,
Лишь пламён мыслезнаки.
Выкипает вода.
Рассыпается накипь,
Уходя навсегда.

Огонь склонился к земле,
Не прячься, не кроясь.
Возвратилась к тебе
Глубочайшая совесть.

Чаручели! Милимилилин!
Словно мальчик сладкозвучный.
Словно отзвуки свирели
Повторяет мне ущелье.

Чьи же дивные напевы
Раздаются справа, слева?
Словно призрачная дева
Будит давние поверья.

Чаручели! Милимилилин!
Как в узоре ритм извилин,
Как в словах огонь вибраций,
Так в вибрациях и Ты —
Мировой Владыка Йоги,
Мировой Владыка Танца.
О Великое Светило
Совершенной Красоты!

Грозный всплеск — и ток созвездий
Умножает Взор лиловый,
И течение живое очищает тишину,
И земля, всё та же внешне,
Стала совершенно новой.
Но в многообразье звуков
Слышу я одну струну.

Чаручели! Милимилилин!
Ты неощутимо дивен!
Тонко-тонко Ты умеешь
К людям проникать в сердца.

Мальчик огненно-лиловый —
Это я, идущий к Шиве,
Это я, поющий песню
Про Великого Отца.
Чаручели! Милимилилин!

Миг духовной работой,
Как струна, напряжён.
Мировые полёты —
Наш огненный сон.

Мировые полёты
К планетам-огням,
Где высокие ноты
Задаются всем нам.

Где разделы иные
У сознания цветут
И где мудрости ливни
В наши души текут.

Раджа, Свати и Уру —
Три Великих Звезды.
Там Великие Гуру
Оставляют следы.

И великие токи
Льются в очи Земли.
Возвещённые сроки
Давно уж прошли.

Человеческий хаос
Окрутил себя тьмой.
Вся планетная самость —
Мировой скорлупой.

Трудно, трудно пробиться
Духовной волне.
Сердца светлая птица
Летает в огне.

Исполняются мысли.
Скоро сбудется сон.
Над вершинами взбыстрили
Кони пламён.

Мученье души моей,
Что я с красотой разлучен,
Что в облаке тихих дней
Закрыт в неведенья тучи.

Но жажда моя велика
Стать мудрым, чистым и сильным.
Но так ещё высока
Звезда моего сверхусилья —
Постичь все законы себя
И счастье от совершенства
И душу свою распять
Во имя любви и блаженства.

Во имя живой красоты,
Во имя величия мысли,

Во имя сердец простоты
Творится святая из истин.

Ведь приступ тоски отойдёт,
Поскольку шаг сделаю выше.
Ведь важен в нас тонкий итог,
Что нас сообщает с Риши.

Сталь для меча раскалена
В горниле огненного сердца.
Мощь знания в нем воплощена.
Удар творенья — и стена
Форм старых рушится в час следствий.
И тайна тайн разрешена.
Грядущий свет — в минуты бедствий,
Куда печаль обращена.

Ведь радость — огненный полёт
Для укрепления крыльев духа.
В просторы новые ведёт,
Всё расширяя дали круга,
Всё утончая каждый взлёт
И обостряя правды ухо.

Но тайных сил не оглуши
Внезапным грохотом познания.
Неощутима поступь знания.
Сдувая пыль с твоей души,
Не в миг приходит познавание.
Ты торопись, но не спеши.
В сердцах не просто упование —

Прошедших мигов психожизнь
И дивный дар распознаванья.

О, устремись и внутрь, и ввысь!
И в самой точке равновесий —
Все постиженья поднебесий,
И всех небес струна и мысль,
И чистота творящих песен.

Ветер лунный прохладен,
Будто снежная пыль.
Боль невидимых ссадин
Сметает с тропы.

Боль невидимых ранок,
Что подарены днём.
Изливает свой холод
На бревенчатый дом.

Ночи пуст полустанок
С луны фонарём.
И по времени рельсам
Убегает мой дом.

Никаких остановок —
Только ночь да луна.
Ведь обидное слово
Унесёт тишина.

Притчи ветра так древни,
Так остры и мудры.
Словно пальцами,
Звёзды касаются нас.
И меняются тайны,
Что должны разгадать мы.
Ведь осколком мгновений
Ранит душу звезда.

Как нащупать больное
Не для боли самой,
К обнажённому нерву
Прикоснуться рукой?

Как идти обнажённым
До сути простой
И в покой напряжённый
Входить с головой?

Как болеть и не мучиться,
А страдать для любви,
Чтоб сияние лучшее
Влилось в очи твои?

Встань ото сна и всмотришь
В голубую прозрачность утра.
Новые знаки зажглись
Величаво, ясно и мудро.

Новые знаки текут
Из магнитов священного духа.
Начал работать магнит.
Загорелась сияньем Белуха.

Храм золотого огня
Поднимает свои пламёна.
Услышь, постарайся понять
Пророческие перезвоны.

Готовы уже мечи,
Хранимые в недрах таинства.
Сердце Майтрейи стучит.
Богатыри просыпаются.

Дым весенней метели
Над горами кружит,
Все тропинки забелит,
Все пути запуржит,
Все следы наслоений,
Мыслей серую пыль,

Необычность видений
В тумане судьбы.

Дым весенней метели
Словно плач карусели.

В объятьях славы и побед,
В объятьях праздного удушья
Что может свежего прийти,
Чтобы смятением нарушить
Ленивость помыслов пути?

Что может душу вдруг зажечь,
Увлечь, и устремить, и сдвинуть,
Чтобы поднять отваги меч,
Чтоб меч раздора в ножны вдвинуть?

Что может дать перестрадать
До глубины, до потрясения,
Чтоб не стеснялся ты рыдать
В восторге от того творенья?

Где плаха, где себя казнишь?
Где совесть — колокол священный?
Что скажешь ты и повелишь,
Не зная тайны сокровенной,
Не зная долгого труда
И изнуряющей печали,
Не зная вдохновенной дали,
Где возжигается звезда
С лучами, что подобны стали?

Ты труженик. Пусть ищет дух
Свои завещанные формы.
Без чувств вскипающего шторма
Гармонию не слышит слух.

О, тяжек сколь весь поиск слов!
Но тяжелей отказ от слова.
Когда ты предаёшь любовь,
Не зная ничего святого,
Когда глубокий самостыд
До действия не дорастает,
Твой дивный идеал забыт,
Ты скорлупа яйца пустая.

Не нарушая сокровенья
Свиданья с музою твоей,
Свеча — свидетель откровенья
Грядущих дней.

Огонь неодолимый зова
Поёт в зрачках.
Как тонок голос,
Что сурово живёт в веках!

О вдохновение поэта!
О взлёт души!
Другого равного секрета
Не знает жизнь.

Каждый раз — всё сначала.
Каждый раз — всё с нуля.
Чтоб звучала в пламёнах
Голубая Земля.

Чтобы жажда не гасла
Творить и творить.
Чтобы мог без опаски
Своё слово любить.

Совершенство земное
Лишь приступок миров.
В дивном мудрости строе —
Пробужденье-любовь.

Лавина слов — и смысла пустота,
Лавина слов — и пропасть исполненья,
Коль сердце не построило моста
В сокровищницу тонкого свершенья.

А в нас самих вращает слово миг.
А в нас самих священный огонь трепещет.
Мы призываем к правде не глухих,
Но слышащих сознанья голос вещей.

Вершин так много. Выше, выше, ввысь
Иди по ним, коль не имеешь крыльев.
За каждый миг, за полноту борись,
Отчётливо задачу крыльев вывев.

Тончайший свет за пологом тумана
Чуть брезжит, раздвигая тишину.
Сокрытый смысл сложнейшего коана
Я понимаю, но постигнуть не могу.

Где мудрый зов, где власть святых идей
И столкновенье мысленное копий?
Над садом мудрости — безделья суховей,
Что ищет тайны златоносных копий.

Но злата яд уже давно чадит
И удушает дальнее пространство,
Что эликсиром памяти бурлит —
Кипят в нём боль, и ненависть, и братство.

Взрезает время новые пласты,
Вскрывает зёрна невзошедшие мышленья.
И руды светоносной чистоты
Являют зримое предостереженье.

Ещё не кончен напряжённый бой.
Ещё не время оставлять высоты.
Вползает враг неведомой тропой.
Предательство плетёт свои тенёта.

В сети лукавства их не угоди,
Связь сообщенья с Гуру не теряя.
Ещё так много будет на пути
Капканов майи.

Напора боя злом не ослабляй,
Лишь в сердце огненное отступая.
И ни мгновенья даром не теряй,
Свой труд с единым замыслом сверяя.

Не отрекись, предав свой светлый дух,
Прежде чем трижды прокричит петух.
Не отрекись от красоты живой.
Ведь время усложняет вечный бой.

Снега идут неслышно и легко,
Как лепестки черёмухи — в даль мая.
И аромат рассыпанных снегов
Своею свежестью цветы напоминает.

Снега идут, и звёздочки минут
В них загораются и угасают.
И сердце, напрягая тайный труд,
Свет благодати тонкой изливает.

О вечной душе,
Заполняющей миропространства,
О сердце едином
Моя размышляет мечта.
Любить беспредельность —
О, как эта тайна прекрасна!

Любить беспредельность,
В которой живёт красота.

Плод правды единой
Пора пожинать, уж пора!
Все вихри минуя,
Сменив навсегда раздраженье.
В терпенье великом
Лишь в импульсы верить добра.
О вечности крылья!
О дивные тропы движенья!

Раскрывают цветы голубые глаза,
Голубые глаза неувядших росинок.
Просыпается рано вишнёвый сад,
Наклонившись над тонкою сетью тропинок.

Просыпается сад в щебетании птиц,
В бликах света узорных на листьях умытых.
Золотое начало времён да святись,
Оставляя лишь глиф на вечности плитах!

Тает за снежной грядой облако дня.
Тает оно, пламёна смиряя огня.
Тает, светясь на прощание знаком Намиг,
Молниеносно сверкнувшим всего на один
только миг.

И не успеешь нацеленным оком моргнуть —
Как вслед за символом тайн открывается путь.

Роза моя расцвела на окне
В самый трескучий мороз.
Нежный её лепесток в тишине
К ледяному узору примёрз.

Но не грусти, о царица моя!
В короне твоей мороз
Даже теперь оставит, любя,
Аромат огнедышащих грёз.

Жажду мою утоли,
Утоли неизведанной тайной.
Жажду мою освяти
Искрой сопричащенья любви.
Только её этой страстью необычайной
Ты на веки вечные не утоли.
Не утоли, поддаваясь успокоенью.
Не утоли, поддаваясь всепраздности лжи.
Не утоли, ибо это Владыки Веленье,
Ибо для этого ты начинал свою жизнь.

Над Башней Белой — свет агни-сферы.
Над Башней Белой — музыка сфер.
Алмаз Владыки — зеркало веры.
Познание истины — вершина вер.

Лик Твой суровый смягчен улыбкой,
Улыбкой вечной, которой Ты
Встречал и Будду, Христа, и многих
Великих Воинов Красоты.

А я лишь искра Твоего сиянья.
А я лишь пыльца с Твоего цветка.
Но вековечное ожиданье
С Тобою встречи длится века.

Ласкаю взором Твой Образ дивный.
Отдавший Сердце, мой свет — Тебе!
Я жду и, ждущий, всегда счастливый.
Я свято верю своей судьбе.

Исчерпанным темам предан наш ум,
Шаблонам изжитого воображенья.
И лишь необычность — признак движенья,
И лишь необычность — начало творенья —
Вторгается в космоса огненный шум.

Акаши разбуженной колокола
Поют торжествующе и весомо.
И сам ты не знаешь ещё, что искомо
Вдали от земного уютного дома,
Куда нас познания мысль позвала.

Лишь вторгнется мысль в оболочку огня —
И слышен напор пламенеющий знания.
И жажда невысказанного познания —
И счастье великое, и наказание.

Идет ещё нескончаемый спор,
Где тело и дух соревнуются крайне.
Как знак несказуемый символа тайны,
Горящий на вершием огненных гор.

Не завывай возможности свои,
Упорствуя в несбыточной гордыне.
И иллюзорных снов себе не строй,
Испытывая ложные виденья.
Не представляй избранником судьбы
Жизнь, что течёт из сновиденья в сновиденье.

Ведь если б это было точно так,
Ты был бы скромн, кроток, незлобив
И не выплёскивал бы постоянно
Накопленные волею обиды.

Обиды — верный признак самомненья.
И чем сильнее испытывает кто-то
Их радиацию саможаленья,
Тем глубже в нём сидит маньяк величья,

Маньяк иллюзии и самообольщенья,
Тем глубже в нём хор скомканных идей,
Что оглушающе кричат поочерёдно,
Советуя одно, потом другое.

И, следуя их призрачному зову,
Он мчится, он торопится, он рвётся.
И там, где ждал он замка красоты,
Мираж горит, мираж Фата-Морганы.

В погоне вечной вслед за внешним светом
Он ищет то, что заложил Создатель
От века в нём. И никуда не надо торопиться.
Лишь рот заткни астральному шептанию,
Лишь взор свой отведи от алчных тайн —
И ты познаешь слабый свет миров,
Которые в тебе создала мудрость.
И чистый зов, наполненный любовью,
Вдруг потечёт, пока ещё негромко,
Из глубины разверзнутого сердца.
И коль войдёшь туда, ты можешь там ослепнуть,
Сгореть и пеплом стать.
И наряду с тобой
Вся майя жизни серою золой
Рассыплется пред светом очищенья.

Не завьшай, и в этом завьшенье
Пороки, слабости и горести не прячь.
Не наряжайся в белые личины:
Фарфоровое холодно лицо.
Глаза блестят, но это краски блеск.
И краску эту кисть глухой гордыни
На скрытые морщины нанесла.
И краска та замешана на лжи.

Я не отрезанный ломоть.
Не заслонит земная плоть
Сиянья огненного неба.

Я дух мятежный естества,
Что ненасытен в познаванье.
И он глубин самопознания
Коснулся оком лишь едва.

Забрезжил знания рассвет.
Что можно знать превыше Бога?
Но мудрость в жалкие сердца
Не проливается без прока.

Заметны в тайне роста духа
Любовь и вера. Всё ли в них,
Что ищет причащённый к мысли?
Да — всё, и более того.

Ведь в тайниках неведомых пространства
Так много мудрости напластовалось.
И радостен живой её огонь.
Коль Лик Хранителей Любви лампадой освещает —
Тогда, только тогда, просящий получает
Тот ключ от двери, что до времени закрыта.
И лишь тогда в тебе проснётся Вечный Бог
И скинет обветшалые лохмотья
Земных привычек.

Сам ты и творец,
И исправитель самых тяжких судеб.
И сам ты устроитель красоты
И зодчий, что маяк любви построил.
И сам звонарь, что ночью лжи и лени
Бьёт тщетно в колокол, пытаясь разбудить
И к трапезе проснувшихся позвать.

Но кто очнулся? Разве единицы
Из тех, в ком сердце зоркое не спит.
Они зажгут свой факел и пойдут.
Но редки эти тихие огни в пустыне мира,
Кто хлеб любви захочет преломить.

Придите тайно, хватит фарисейства,
И книжных истин, и пустых похвал!
Минуло время бойких попугаев.
Трепещет дух под стягом красоты.
И меч творений разрушает праздность.

Трудись страна!
Восстань из пепла Феникс,
Чтобы возжечь в сердцах
Рубиновые звёзды!

Не утолить унынья взор —
Всё новое ему не мило,
Ещё не виданное грустно.
Но в сердце — радостный простор.
В нём — удивления искусство,

В нём лёгок и прекрасен спор
Ума, фантазии и чувства.

Не ускользнёт от мудреца
Усмешки ядовитый шёпот,
И маска мрачного лица,
Чад жадности, и озаренья тропы.
Не ускользнёт ни плач, ни смех,
Ни зла, ни сострадания слёзы,
И скука праздная утех,
И мыслей огненная россыпь,
Бесценная, одна на всех.

Но кто коснётся струн души,
Чтобы увидеть и услышать,
Как может каждый чисто жить,
Свои желанья растворивший
В раздумьях праведной глуши?

О жизнь забытая! Где ты
Таишься вышею стезёю?
Ты вдохновенье красоты.
Ты свет раздумья и покоя.
И ты невиданный пример
Для подвига живого духа,
Чей день не безнадежно сер,
А светел, как огня Белуха.

Где ты, прообраз нас грядых,
Одетых в скромные одежды?
Но будет постиженья миг
Прекрасен тем, что видят вежды
В глубь сердца через тяжесть книг,
Где мужество легко и нежно.

В заклинаниях правды, в суровых обетах,
В постоянной борьбе между злом и добром
Мы, великие путники, детища Света,
Изначала живём.

Изначала живём, позабывшие жизни,
Словно твёрдо изученный давний урок.
Изначала живём, и от нас лишь зависит,
Кто ты: сумрачный демон иль огненный бог.

В нашей сущности, спорной и парадоксальной,
Столько вихрей оставило всяких следов.
И так трудно стирать их со стенок зеркальных,
Что прозрачны, как искорки горных снегов.

Сколько мыслей чертило алмазами злыми
Бороздою бессмысленной рваный зигзаг!
Сошлифуешь ли это делами земными
Или благостью света наполнишь свой шаг?

Если пламень любви, исцеляющий язвы,
Не извергнет свой жар и не сплавит грехи,
Ты останешься, слабый, упрямый и праздный,
Умножать своих трещин пустые стихи.

Но, усилив себя через все невозможности,
Ограничив свой отдых, напрягаясь до слёз,
Ты сумеешь войти в колыбель непреложности,
У которой стоит Светозарный Христос.

И узрешь ты Взор, зажигающий сущность,
Словно око, грядущее из бездны бездн,
Словно из беспредельности Света зовущее
В этот тёмный, дремучий, человеческий лес.

В лес, где в ветхих лачугах прячутся нежити,
Где подвалы пороков и тайны грехов.
В лес, где миги есть утренней свежести
И серебряный звон, чистый звон родников.

Где на самом верху место птичьему пенью,
Где ветра мировые несут свою мысль,
Где из глубей небес, как спираль откровенья,
Опускается огненное озаренье,
Как алмазы мгновений в свете радужных искр.

Ах, стихи! Моя боль, мои верные спутники!
Иногда ухожу, вас оставив одних.
Иногда, улетаю, беру вас с собою,
Собирая в один исчезнувший миг.

Я учусь, и вы тоже со мной постигаете
Стройность многих рядов: я ведь ваш командир.
Словно певчие птицы, вокруг вы порхаете.
Ну, а я собираю вас в сказочный мир.

Я, зажжённый Владычным, Немеркнувшим Взором,
Ритмом знания космического пробуждён,
Закалённый в далёких-далёких походах,
Куда вёл меня дивный, пророческий сон.

Есть миг и час,
Чтоб слышать сердца глас.
Есть миг и час,
Чтоб обострять вниманье.
Для многих нас
Лишь совести приказ —
Начало мирового солнцезнания.

Услышь её в переплетенье чувств
И в хаосе грохочущего рока.
Услышь её — и ясная дорога
Отбросит обезумевший искус
За грань порога.

Пророчат витии, бед обеща сеть.
Бушуют солнечные откровенья.
И пятна тьмы не могут догореть
Даже на сердце солнечной вселенной.

Но что витии, если сами мы
Толчки несовершенства ощущаем?
И если сами из объятий тьмы
Себя самих всё время вызволяем?

Но шелуха всех недостойных дел,
И слов поганных, и образов безделья,

Как занавес, закрыла наш предел,
Наш разум, затуманенный похмельем.

И скажет кто, как разбудить зарю,
Как колокол заставить безъязыкий
Звучать? Он только вторит январю,
Взвевая ввысь глухих метелей крики.

Но колокол звучит — он в нас самих.
Но колокол космического света
Диктует нам свой несказанный стих
И ныне, и всегда, и до скончанья века.

Не века проживания себя,
Не времени унылого влаченье —
Бессовестных врагов они лишь прах
На камне твоего предназначенья.

Пусть колокол судьбой моей звучит
Так оглушительно, малиново и тонко.
В нём пенье птиц, и бранные мечи,
И стон любви, и первый крик ребёнка.

Судьба, что Матерью своей назвал,
Благослови мятущегося сына!
Он, как орёл на пиках древних скал,
Взлететь собрался ввысь, на праздник мира.

Впервые опершился на крыло,
Почувствовать, как мощно и упруго
Живая беспредельность держит нас,
В пространстве даровав большого друга.

О Мать Судьба! О солнечная Ты!
Владычица вселенского порядка!

Есть тонкие пределы высоты.
Есть только то, что истинно и свято.

О Мать Судьба! В глазах орлиных свет.
И впереди меня сияет лебедь.
И нет границ ни для летящих лет,
Ни для пространства Огненного Неба.

Шевелятся лиственниц ветви,
Осыпанные огнём,
Как будто тончайшие сети,
Что тихим натянуты днём.

Морозная неба прозрачность
Земли голубее крыла.
Какая же это удача —
Неслышно творить дела!

Свой мир постигая тайный,
В себе опускаясь в свет,
Где радости необычайной —
Прекраснейшая из планет.

Где сердца тончайшее солнце
Так огненно глубоко.
Через какие колодцы
Увидим так далеко?

Шлифуется знание духа,
Всё глубже в наш мир входя.

Лишь ухо седьмого слуха
Слышит голос Вождя.

Лишь отблеск пламенных башен
Видит седьмой твой взор.
И никому не страшен
Миров беспредельных хор.

О грандиозность тайны!
Неизмерим твой взлёт.
Тает, медленно тает
Хрупкий неведенья лёд.

И уплывают миги.
И уплывают года.
Этой Великой Книги
Нам не прочесть никогда.

Но, обретая знанье,
Сотканное огнём,
Мы до конца осознаем,
Что мы лишь в себе живём.

И из глубин сознания,
Из сфер накопленных дел
Ярое сердцезнанье
Определяет удел.

Ни превозмочь, ни унижить
Ни приказать не дано.
Кольца земных коллизий —
Будущего вино.

И не коснувшийся ложного,
Не осквернённый тьмой,

Страданием людским встревоженный,
Ты возвратишься домой.

Преданный размышленьям,
Рой извергая звёзд,
Ты в мировое движенье
Новый огонь привнёс.

Так накали пространство
И сцементируй свет,
Чтобы сумело Братство
Свой передать привет.

Чтобы не позлащённость
Правила красотой,
А необъятный космос
С вечною простотой.

Чтоб гармонично и тонко
Уравновесив мысль,
В закономерность срока
Ты устремился ввысь.

Определи задачу.
И если определил,
Какая же это удача —
Знать беспредельность сил!

Одинокое дерево в Сердце Вселенной.
Одинокое дерево — свет сокровенный.
И сияют на нём алмазную руной
Незажжённые солнца, непогасшие луны.

Волны звёзд намечают высокие дюны.
Там пустыня времён, там мы вечны и юны.
И волшебный оазис — в цветенье нетленном.
Одинокое дерево в Сердце Вселенной.

Там в озёрах весны плеск волшебной воды.
Там звенят колокольчики ранней звезды.
Там всё радостно, необыкновенно.
Одинокое дерево в Сердце Вселенной.

Голос сердца там слышен проникновенный,
Что священному духу открывает врата.
В каждом вдохе поет глубины красота.
Одинокое дерево в Сердце Вселенной.

Золотые плоды осыпаются в мир,
Чтобы сотни миров зародить совершенных.
И прекрасных прообразов искрится миг.
Одинокое дерево в Сердце Вселенной.

Вьётся ветер идей над безвременьем дней.
Бьётся в берег неведомый звёздная пена.
Средь дыханья пламён, в свете дивных огней —
Одинокое дерево в Сердце Вселенной.

Владимир Павлюшин

Одинокое дерево в Сердце Вселенной

2011 г.

Подписано в печать 01.08.2011

Формат 60x84/16. Печать офсетная

Усл. Печ. Л. 11,6+вкл. Тираж 1000 экз.

Заказ № 0000

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография,
филиал «Ульяновский Дом печати»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок